

КИРИЛЛ КОЖУРИН

Духовные учителя сокровенной Руси

Кирилл Кожурин

**Духовные учителя
сокровенной Руси**

«Издательские решения»

Кожурин К. Я.

Духовные учителя сокровенной Руси / К. Я. Кожурин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749144-4

Хочешь знать будущее — загляни в прошлое. Там, в трагедии церковного раскола XVII столетия, коренятся истоки многих наших сегодняшних бед и проблем. Реформы патриарха Никона, разделившие общество на два лагеря, привели к отказу от национальных традиций и утрате народом духовной свободы. Хранителями прежнего духовного идеала стали старообрядцы, в которых народ видел своих подлинных духовных учителей.

ISBN 978-5-44-749144-4

© Кожурин К. Я.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Первые мученики за старую веру	6
Вступление	6
Епископ Павел Коломенский и начало никоновской инквизиции	21
Огнепальный протопоп	27
Житие боярыни Морозовой	34
«Соловецкое сидение»	41
«Пря о вере» и «Хованщина»: последняя попытка повернуть колесо истории вспять	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Духовные учителя сокровенной Руси

Кирилл Кожурин

Издание 2-е, исправленное и дополненное

© Кирилл Кожурин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Первые мученики за старую веру

Вступление

*По грехом нашим на нашу страну
Попустил Господь такову беду.
Облак темный всюду осени.
Небо и воздух мраком потемни.
Старообрядческий духовный стих «Плач пустынных жителей»*

Без малого семьсот лет – от святого великого князя Владимира до царя Алексея Михайловича – пребывала неизменной православная вера на Руси. Храмами и монастырями, словно драгоценными камнями, вся Русь была изукрашена. Святыми угодниками Божиими и чудотворцами, бесчисленными, словно звезды небесные, была прославлена. Недаром называлась «Святою» Русь, недаром называлась «Третьим Римом», последним христианским государством в мире.

Христианскую православную веру русские приняли от греков, когда Церковь Христова была еще едина. Свято и нерушимо хранили наши предки свою веру, хранили церковное предание. Но враг рода человеческого не дремал. Соблазненные лукавым, пошли на поводу у князя мира сего, стали вводить у себя различные новшества западные христиане, и в 1054 г. отпали от Церкви Христовой. Так пал первый Рим.

Затем отпавшие католики стали прельщать греков, и те, теснимые внешним врагом, турками-османами, пошли на политический компромисс, предав свою веру, – заключили Флорентийскую унию с римским папой в 1439 г. После стали раскаиваться, но было уже поздно. Не помог им папа, и в воздаяние за отступничество греков в 1453 г. пал и второй Рим – Константинополь.

Остался последний оплот православной веры в мире: Третий Рим – Москва. К тому времени Московская Русь была уже сильным, независимым государством. Она по праву сделалась наследницей Византии – наследницей не в политическом плане, но прежде всего в духовном. Процветало христианское благочестие в русском народе, и дивились иноземные гости, с благоговением взирая на недостижимые высоты духа.

Но темным силам было не угодно такое процветание благочестия и святости. «Выпросил у Бога светлую Россию сатана, да очервленит ю (ее – К. К.) кровию мученическою», – писал протопоп Аввакум. Еще в 1596 г. в унию с католиками отпала часть православных жителей Малороссии и весь ее православный епископат, а в «Книге о вере единой истинной православной», изданной в 1648 г., высказывалось опасение, как бы по приближении 1666 г. и русским не пострадать от такового же зла. Опасение это пророческим образом сбылось...

В 1653 году начались церковные реформы патриарха Никона, которые раскололи русское общество на два лагеря. Новая Русь, покорно принявшая никоновские новшества, вскоре должна была испытать на себе очередную волну экспериментирования и оплевания своей веры – духовный сын и продолжатель дела Никона Петр I уже выкраивал для нее камзол по голландской выкройке и точил топор, чтобы обрубить ненавистную ему русскую бороду. Среди болот, на балтийских ветрах, вычерченная по линейке и циркулю, выростала новая столица, которая должна была уничтожить всякое воспоминание о прежней. Старая же Русь, вольнолюбивая и непокорная, снималась с места, чтобы отправиться в свое многовековое странствие, горями взметнуться в небо, таинственным Китежем уйти в глубины озер. В пустыни и горы, в вертепы и пропасти земные уходила сокровенная Русь.

Напомним основные вехи истории раскола Русской Церкви. В 1645 г. в Москве образовался кружок ревнителей церковного благочестия – так называемых боголюбцев. В этот кружок входили молодой царь Алексей Михайлович, царский духовник протопоп Стефан Внифатьев (Вонифатьев), протопоп Иоанн Неронов и некоторые другие. Целью кружка было благоустройство Русской Церкви и государства после Смутного времени начала века. Боголюбцы понимали необходимость определенных церковных реформ, призывали к соблюдению христианской морали, много внимания уделяли проповеди, устраивали центры христианского просвещения, стремились поднять авторитет Церкви в глазах народа.

Настоящим вдохновителем кружка был отец Иоанн Неронов, выходец из района знаменитых заволжских старцев. Иоанн (в крещении Гавриил) родился в 1591 г. в семье священника отца Мирона (в просторечии Нерона), и детство его пришлось на Смутное время. Отчий дом был разграблен и сожжен, и тогда молодой Иоанн в сопровождении некоего отрока Евфимия ушел в Вологду, где начал свою проповедническую деятельность. Уже в те 1610-е годы Неронов исповедовал идею «оцерковления» человека и стал обличать вологодского архиерея, пригласившего во время святок в свой дом ряженных и скоморохов. За что и был «бит немилостиво».

Из Вологды Иоанн перебрался в Устюг. Там он приобщился к книжному чтению, которое поначалу давалось ему нелегко. «Учашеся зело медленно, яко един букварь учаще лето и месяцев шесть». Затем он оказался в Никольском, пригородном селе Юрьевца Повольского, и женился здесь на дочери местного священника. Живя в Никольском и будучи церковным чтецом, Неронов неоднократно наблюдал «развращенное житие» здешнего духовенства. Обличаемые им попы написали на него ложный донос самому патриарху Филарету, так что молодому чтецу пришлось тайно, ночью бежать в Троице-Сергиев монастырь, где Неронов нашел покровителя в лице просвещенного архимандрита монастыря Дионисия Зобниновского, много заботившегося о его просвещении. Когда обнаружилось, что донос на Неронова является откровенной клеветой, то по просьбе Дионисия патриарх рукоположил Иоанна сначала в дьяконы, а через год – в иереи.

Молодой боголюбец, поставленный в священники, возвращается в село Никольское, но здесь его ожидают лишь новые распри с местным духовенством. Тогда он уезжает в нижегородскую деревню Лысково, учиться у пользовавшегося в то время широкой известностью священника Анании, который «зело искусен бе в Божественном писании», а затем переселяется в Нижний Новгород. Здесь, облюбовав ветхую, много лет пустовавшую церковь Воскресения Христова, Иоанн Неронов становится при ней священником. На новом месте он продолжает свою горячую проповедь благочестия среди клира и мирян. Именно Неронову принадлежит заслуга возрождения личной проповеди, которой уже несколько столетий не знало русское православие. При нем всегда была книга Маргарит – собрание проповедей святого Иоанна Златоуста, по которой отец Иоанн Неронов учил русских людей, «на стогнах града и на торжищах... возвещая всем путь спасения». «Егда прочитавше народу святыя книги, тогда бываху от очию его слезы, яко струя, и едва в хлипании своем проглагольваше слово Божественного писания, сказоваше же всякую речь с толкованием, дабы разумно было всем христианом».

Всею своею жизнью Неронов, невзирая на «дух времени», пытался следовать христианским заповедям. Он открывал школы, богадельни, смело вмешивался в дела светских властей как в провинции, так впоследствии и в столице. даже попадал В 1632 г. он даже попал на два года в ссылку в Никольский Корельский монастырь за неодобрительные слова о царском походе на поляков. После своего освобождения Неронов возвращается в Нижний Новгород, а затем поселяется в Москве, где по ходатайству царского духовника Стефана Внифатьева становится в 1645 г. протопопом Казанского собора на Красной площади. Это был его «звездный час». Послушать Неронова приходила вся Москва во главе с самим царем и царицей. Стены Казанского собора не могли вместить всех желающих послушать его проповеди,

так что порой приходилось писать текст проповедей на специальных досках, размещавшихся на стенах собора.

В 1646 г. к кружку боголюбцев присоединяется Никон (в миру Никита Минов), тогда еще безвестный игумен северной Кожеозерской пустыни. Никон сумел уловить сокровенные мысли, занимавшие царя Алексея Михайловича и его ближайшее окружение, и вскоре сделал головокружительную карьеру. Представленный молодому царю, он произвел на него столь благоприятное впечатление, что тут же получил сан архимандрита московского Новоспасского монастыря – родового монастыря Романовых. В 1649 г. Никон уже был рукоположен в митрополиты Новгородские – на место еще живого митрополита Авфония.

Добившись архиерейской власти, Никон принялся за введение новшеств в доверенной ему Новгородской земле. Он единолично вершил суд и расправу на Софийском дворе, а вскоре по царскому повелению начал рассматривать и уголовные дела, причем жестоко расправлялся с новгородцами, пробовавшими жаловаться на него царю. Вместо древнего унисонного (одноголосного) пения Никон завел в Новгороде партесное – по западному образцу. Впоследствии Никон перенес это пение и в Москву, выписав польских певцов, певших «согласием органом», а для своего хора взял композиции знаменитого в свое время директора капеллы рорантистов в Кракове – Мартина Мильчевского. Характерно, что предпочтение, отданное послами князя Владимира православию («выбор веры»), летописцы связывали с эстетическим впечатлением от «ангелоподобного» древневизантийского пения. Никоновскую «псевдоморфозу» православия также предваряет увлечение пением, только уже пением западным, католическим. «И законы и уставы у них латинские, руками машут и главами кивают и ногами топчут, как де обыкли у латинников по органом», – скажет впоследствии протопоп Аввакум.

В 1651—1652 гг. среди боголюбцев начались разногласия по поводу выбора пути церковной реформы. Епископ Павел Коломенский, протопоп Аввакум и протопоп Иоанн Неронов ревностно выступали за реформирование Церкви по русскому образцу, на основе постановлений знаменитого Стоглавого собора 1551 г., а митрополит Никон и царь Алексей Михайлович склонялись к реформированию по современному им греческому образцу, ошибочно принимая его за эталон древнего церковного предания.

В 1652 г. внезапно умирает патриарх Иосиф, и на его место выбирают Никона. При поддержке царя Алексея Михайловича новый патриарх активно принимается за реформирование Русской Церкви.

Преподобному Елеазару, чудотворцу Анзерскому (ум. 13 января 1656 г.), под началом которого Никон делал свои первые шаги по стезе монашества, было видение: во время совершения Божественной литургии предстоит вновь поставленный патриарх, а вокруг шеи его «змия черна и зело велика оплетшеся». Провидение старца сбылось: обольщенный лукавым Никон начал творить свое черное дело, которое изнутри поразило Православную Церковь и ввергло русское общество в пучину раскола.

В чем же заключалась суть никоновской «реформации» (а на самом деле – алексеевской, поскольку главным инициатором был царь Алексей Михайлович и его ближайшее окружение)? Формальным поводом послужило исправление якобы неисправных богослужебных книг. Реформаторы утверждали, что со времени принятия христианства при князе Владимире в богослужебные книги по вине переписчиков вкралось такое множество ошибок, что необходима серьезная правка. Эта мысль явилась из сличения оригиналов и переводов. Но что в данном случае принималось за оригинал? Новые богослужебные греческие книги, напечатанные в иезуитских типографиях Венеции и Парижа (греки тогда находились под игом турок-османов и собственных типографий не имели)! Помимо того, что за семь веков, прошедших со времени Крещения Руси, греки, заразившись латинским духом, сами существенно изменили чинопоследования некоторых служб, к этим изменениям добавлялись еще сознательные еретические искажения, внесенные хозяевами типографий – иезуитами.

Тем самым, никоновская «справа» стала не исправлением богослужебных книг, а их искажением, порчей. К сожалению, до сих пор весьма распространенным является мнение о том, что реформа XVII в. проводилась с целью исправления ошибок и описок, якобы вкравшихся в богослужебные тексты с течением времени по вине «невежественных» переписчиков. Однако мнение это весьма далеко от истины. Послушаем заключение эксперта: «Объективное сравнение текстов богослужебных книг предреформенных, иосифовской печати, и послереформенных не оставляет сомнений в ложности утверждения о недоброкачественности предреформенных богослужебных книг – описок в этих книгах, пожалуй, меньше, чем опечаток в современных нам книгах. Более того, сравнение текстов позволяет сделать как раз противоположные выводы: послереформенные тексты значительно уступают по доброкачественности предреформенным, поскольку в результате так называемой правки в текстах появилось огромное количество погрешностей разного рода и даже ошибок (грамматических, лексических, исторических, догматических и пр.)»¹.

Когда сравниваешь старые и новые тексты, то невольно соглашаешься с протопопом Аввакумом. Он в таких словах передавал наказ патриарха Никона по «исправлению» книг «справщику», выученику иезуитов Арсению Греку: «Правь, Арсен, хоть как, лишь бы не по-старому». И там, где в богослужебных книгах ранее было написано «отроки» – стало «дети», где было написано «дети» – стало «отроки»; где была «церковь» – стал «храм», где «храм» – там «церковь»... Появились и такие откровенные нелепости, как «сияние шума», «уразуметь очесы (т.е. очами – К. К.)», «видеть перстом», «крестообразные Моисеевы руки», не говоря уже о вставленной в чин крещения молитве «духу лукавому». Удивительный перевод! Но удивление исчезает, когда начинаешь сличать переводы с подлинниками. Оказывается, все венецианские и парижские издания греческих богослужебных книг, по которым и проводилась никоновская «справа», в текстуальном отношении весьма сильно разнятся между собой. При этом разница между изданиями может состоять не только в нескольких строках, но иногда в странице, двух и больше...

Со временем стало ясно, что Никон хочет не просто исправления каких-то погрешностей переписчиков, а изменения всех старых русских церковных чинов и обрядов в соответствии с новыми греческими. «Трагедия расколоторческой реформы в том и состояла, что была предпринята попытка „править прямое по кривому“, провозгласив содержавшие погрешности формы религиозного культа позднейшего времени древнейшими, единственно верными и единственно возможными, а всякое отклонение от них – злом и ересью, подлежащей насильственному уничтожению»².

И действительно, изменений было множество. Достаточно перечислить лишь некоторые, наиболее важные с точки зрения православного вероучения:

1. Двоперстие, древняя, унаследованная от апостольских времен, форма перстосложения при крестном знаменнии, было названо «арменскою ересью» и заменено на троеперстие. В качестве священнического перстосложения для благословения была введена так называемая малакса, или именованное перстосложение. В толковании двоеперстного крестного знаменния два протянутых перста означают две природы Христа (Божественную и человеческую), а три (пятый, четвертый и первый), сложенных у ладони, – Святую Троицу. Введя троеперстие (означающее только Троицу), Никон не только пренебрегал догматом о Богочеловечестве Христа, но и вводил «богострастную» ересь (то есть, по сути, утверждал, что на кресте страдала не только человеческая природа Христа, а вся Святая Троица). Это новшество, введенное в Русской Церкви Никоном, было очень серьезным догматическим искажением, поскольку крестное знамение во все времена являлось для православных христиан видимым Символом

¹ Кутизов Б. П. Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия. М., 2004. С. 5—6.

² Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002. С. 87.

веры. Истинность и древность двоеперстного сложения подтверждается многими свидетельствами. К ним относятся и древние изображения, дошедшие до нашего времени (например, фреска III века из Усыпальницы Святой Прискиллы в Риме, мозаика IV века с изображением Чудесного лова из церкви Святого Аполлинария в Риме, писанное изображение Благовещения из церкви Святой Марии в Риме, датируемое V веком); и многочисленные русские и греческие иконы Спасителя, Божией Матери и святых угодников, чудесно явленные и древлеписанные (все они подробно перечисляются в фундаментальном старообрядческом богословском труде «Поморские ответы»); и древний чин принятия от ереси ияковитов, который, по свидетельству Константинопольского собора 1029 года, Греческая Церковь содержала еще в XI веке: «Иже не крестит двема перстома, яко Христос, да будет проклят»; и древние книги – Иосифа, архимандрита Спасского Нового монастыря, келейный Псалтырь Кирилла Новоезерского, в греческом оригинале книги Никона Черногорца и прочие: «Аще кто не знаменуется двема персты, якоже Христос, да будет проклят»³; и обычай Русской Церкви, принятый при Крещении Руси от греков и не прерывавшийся вплоть до времен патриарха Никона. Этот обычай был соборно подтвержден в Русской Церкви на Стоглавом соборе в 1551 году: «Аще кто двема персты не благословляет, якоже Христос, или не воображает двема персты крестнаго знамения; *да будет проклят*, якоже Святии Отцы рекоша». Кроме сказанного выше, свидетельством того, что двуперстное крестное знамение является преданием древней Вселенской Церкви (а не только Русской поместной), служит и текст греческой Кормчей, где написано следующее: «Древние христиане иначе слагали персты для изображения на себе креста, чем нынешние, то есть изображали его двумя перстами – средним и указательным, как говорит Петр Дамаскин. Вся рука, говорит Петр, означает единую ипостась Христа, а два перста – два естества Его». Что касается троеперстия, то ни в каких древних памятниках до сих пор не найдено ни одного свидетельства в его пользу.

2. Были отменены принятые в дораскольной Церкви земные поклоны, являющиеся несомненным церковным преданием, установленным Самим Христом, о чем есть свидетельство в Евангелии (Христос молился в Гефсиманском саду, «пад на лице Свое», то есть делал земные поклоны) и в святоотеческих творениях. Отмена земных поклонов была воспринята как возрождение древней ереси непоклонников, поскольку земные поклоны вообще и, в частности, совершаемые в Великий пост являются видимым знаком почитания Бога и Его святых, а также видимым знаком глубокого покаяния. В предисловии к Псалтырю 1646 года издания говорилось: «Проклято бо есть сие, и с еретики отвержено таковое злочестие, еже не творити поклонов до земли, в молитвах наших к Богу, в церкви во уреченныя дни. Тако же о сем, и не не указахом от устава святых отец, зане во мнозех вкоренися таковое нечестие и ересь, еже коленное непрекланяние, во Святый Великий пост, и не может убо слышати всяк благочестивый, иже соборныя церкви апостольския сын. Таковаго нечестия и ереси, ни же буди в нас таковое зло в православных, яко же глаголют святии отцы»⁴.

3. Трисоставный восьмиконечный крест, который издревле на Руси был главным символом православия, заменен двусоставным четырехконечным, ассоциировавшимся в сознании православных людей с католическим учением и называвшимся «латинским (или ляцким) крыжом». После начала реформы восьмиконечный крест изгонялся из церкви. О ненависти к нему реформаторов говорит тот факт, что один из видных деятелей новой церкви – митрополит Димитрий Ростовский – называл его в своих сочинениях «брынским», или «раскольническим». Только с конца XIX века восьмиконечный крест начал постепенно возвращаться в старообрядческие церкви.

³ Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). 2-у изд., испр. СПб., 2002. С. 84.

⁴ Сборник. БАН. Собрание Дружинина. №162. Л. 32—33.

4. Молитвенный возглас – ангельская песнь «аллилуйя» – стал четвериться у никониан, поскольку они поют трижды «аллилуйя» и четвертое, равнозначное, «Слава Тебе, Боже». Тем самым нарушается священная троичность. При этом древняя «сугубая (то есть двойная) аллилуйя» была объявлена реформаторами «богомерзкою македониевой ересью».

5. В исповедании православной веры – Символе веры, молитве, перечисляющей основные догматы христианства, из слов «в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго» изъято слово «истиннаго» и тем поставлена под сомнение истинность Третьего Лица Святой Троицы. Перевод слова «το Κύριον», стоящего в греческом оригинале Символа веры может быть двояким: и «Господа», и «истиннаго». Старый перевод Символа включал в себя оба варианта, подчеркивая равночестность Святаго Духа с другими лицами Святой Троицы. И это нисколько не противоречит православному учению. Неоправданное же изъятие слова «истиннаго» разрушало симметрию, жертвуя смыслом ради буквального калькирования греческого текста. И это у многих вызвало справедливое возмущение. Из сочетания «рожденна, а не сотворенна» выброшен союз «а» – тот самый «аз», за который многие готовы были идти на костер. Исключение «а» могло мыслиться как выражение сомнения в нетварной природе Христа. Вместо прежнего утверждения «Его же царствию несть (то есть нет) конца», введено «не будет конца», то есть бесконечность Царствия Божия оказывается отнесенной к будущему и тем самым ограниченной во времени. Изменения в Символе веры, освященном многовековой историей, воспринимались особенно болезненно. И так было не только в России с ее пресловутым «обрядоверием», «буквализмом» и «богословским невежеством». Здесь можно вспомнить классический пример из византийского богословия – историю с одной только измененной «йотой», внесенной арианами в термин «единосущный» (греческое «омоусиос») и превратившей его в «подобосущный» (греческое «омиусиос»). Это искажало учение святого Афанасия Александрийского, закрепленное авторитетом Первого Никейского Собора, о соотношении сущности Отца и Сына. Именно поэтому Вселенские Соборы запретили под страхом анафемы любые, даже самые незначительные перемены в Символе Веры.

6. В никоновских книгах было изменено само написание имени Христа: вместо прежнего Иисус, встречающегося до сих пор и у других славянских народов, было введено Иисус, причем единственно правильной была объявлена исключительно вторая форма, что возводилось новообрядческими богословами в догмат. Так, по кощунственному толкованию митрополита Дмитрия Ростовского, дореформенное написание имени «Иисус» в переводе якобы означает «равноухий», «чудовищное и ничего не значащее»⁵.

7. Была изменена форма Иисусовой молитвы, имеющей согласно православному учению особую мистическую силу. Вместо слов «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя грешнаго» реформаторы постановили читать «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй мя грешнаго». Иисусова молитва в ее дониконовском варианте считалась молитвой вселенской (универсальной) и вечной как основанная на евангельских текстах, как первое апостольское исповедание, на котором Иисус Христос создал Свою Церковь⁶. Она постепенно вошла во всеобщее употребление и даже в Устав церковный. Указания на нее есть у святых Ефрема и Исаака Сирина, святого Исихия, святых Варсонофия и Иоанна, святого Иоанна Лествичника. Святитель Иоанн Златоуст говорит о ней так: «Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте молитвы сей». Однако реформаторы выбросили эту молитву из всех богослужебных

⁵ *Дмитрий Ростовский (Туптало)*. Розыск о раскольнической брынской вере. Изд. 5-е. М., 1855. С. 46.

⁶ «Пришед же Иисус во страны Кесарии Филипповы, вопрошаше ученики Своя, глаголя: кого Мя глаголют человецы суща Сына Человеческаго? Они же реша: ови убо Иоанна Крестителя, инии же Илию, друзии же Иеремию, или единого от пророк. Глагола им Иисус: вы же кого Мя глаголете быти? Отвещав же Симон Петр, рече: Ты еси Христос Сын Бога Живаго. И отвечав Иисус, рече ему: блажен еси Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец Мой. Иже на небесех. И Аз же тебе глаголю: яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не удолеют ей» (Мф. 16, 13—18).

книг и под угрозой анафем воспретили ее произносить «в церковном пении и в общих собраниях». Ее стали называть потом «раскольнической».

8. Во время крестных ходов, таинств крещения и венчания новообрядцы стали ходить против солнца, в то время как, согласно церковному преданию, это полагалось делать по солнцу (посолонь) – вслед за Солнцем-Христом. Здесь нужно отметить, что подобный ритуал хождения против солнца практиковался у разных народов в ряде вредоносных магических культов.

9. При крещении младенцев новообрядцы стали допускать и даже оправдывать обливание и окропление водой, вопреки апостольским постановлениям о необходимости крещения в три погружения (50-е правило Святых Апостол). В связи с этим был изменен чинопоем католиков и протестантов. Если по древним церковным канонам, подтвержденным Собором 1620 года, бывшем при патриархе Филарете, католиков и протестантов требовалось крестить с полным троекратным погружением, то теперь они принимались в господствующую церковь только через миропомазание.

10. Литургию новообрядцы стали служить на пяти просфорах, утверждая, что иначе «не может быть сущее тело и кровь Христовы» (по старым Служебникам полагалось служить на семи просфорах).

11. В церквях Никон приказал ломать «амбоны» и строить «рундуки», то есть была изменена форма амвона (предалтарного возвышения), каждая часть которого имела определенный символический смысл. В дониконовской традиции четыре амвонных столба означали четыре Евангелия, если был один столб – он означал камень, отваленный ангелом от пещеры с телом Христа. Никоновские пять столбов стали символизировать папу и пять патриархов, что содержит в себе явную латинскую ересь.

12. Белый клобук русских иерархов – символ чистоты и святости русского духовенства, выделявший их среди вселенских патриархов, – был заменен Никоном на «рогатую колпашную камилавку» греков. В глазах русских благочестивых людей «клобуцы рогатые» были скомпрометированы тем, что не раз обличались в ряде полемических сочинений против латинян (например, в рассказе о Петре Гугнивом, входившем в состав Палеи, Кириловой книги и макарьевских Четь Миней). Вообще при Никоне произошла перемена всей одежды русского духовенства по новогреческому образцу (в свою очередь, подвергшемуся сильному влиянию со стороны турецкой моды – широкие рукава ряс наподобие восточных халатов и камилавки наподобие турецких фесок). По свидетельству Павла Алеппского, вслед за Никоном пожелали переменить свои одеяния многие архиереи и монахи. «Многие из них приходили к нашему учителю (патриарху Антиохийскому Макарию. – К. К.) и просили его подарить им камилавку и клобук... Кому удалось приобрести их и на кого возложил их патриарх Никон или наш, у тех лица открылись и сияли. По этому случаю они наперерыв друг перед другом стали заказывать для себя камилавки из черного сукна по той самой форме, которая была у нас и у греческих монахов, а клобуки делали из черного шелка. Они плевали перед нами на свои старые клобуки, сбрасывая их с головы и говорили: „Если бы это греческое одеяние не было божественного происхождения, не надел бы его первым наш патриарх“»⁷. По поводу этого безумного оплевывания своей родной старины и низкопоклонства перед иностранными обычаями и порядками протопоп Аввакум писал: «Ох, ох, бедная! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!» и призывал царя Алексея Михайловича: «Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по русскому языку: „Господи, помилуй мя грешнаго!“ А кирейсон-от⁸ отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах. Как

⁷ Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 484.

⁸ «Господи помилуй» (греч.).

нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас Бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кирилом святым и братом его. Чево же нам хочется лучше тово? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общаго воскресения»⁹.

13. Была изменена древняя форма архиерейских посохов. По этому поводу протопоп Аввакум с негодованием писал: «Да он де же, зломудренный Никон, завел в нашей Росии со единомысленники своими самое худое и небогоугодное дело – вместо жезла святителя Петра чудотворца доспел внов святительския жезлы с проклятыми змиями погубльшими прадеда нашего Адама и весь мир, юже сам Господь проклял от всех скотов и от всех зверей земных. И ныне они тую проклятую змию освящают и почитают паче всех скотов и зверей и вносят ея во святилище Божие, во олтарь и в царския двери, яко некое освящение и всю церковную службу с теми жезлами и с проклятыми змиями соделанными действуют и везде, яко некое драгоценное сокровище, пред лицом своим на оказание всему миру тех змей носити повелевают, ими же образуют потребление православныя веры»¹⁰.

14. Вместо древнего пения было введено новое – сначала польско-малороссийское, а затем итальянское. Новые иконы стали писать не по древним образцам, а по западным, отчего они стали более похожими на светские картины, чем на иконы. Все это способствовало культивированию в верующих нездоровой чувственности и экзальтации, ранее не свойственной православию. Постепенно древнее иконописание было сплошь вытеснено салонной религиозной живописью, раболопно и неискусно подражавшей западным образцам и носившей громкое наименование «икон итальянского стиля» или «в итальянском вкусе», о которой старообрядческий богослов Андрей Денисов так отзывался в «Поморских ответах»: «Нынешние же живописцы, тое (то есть апостольское. – К. К.) священное предание изменивше, пишут иконы не от древних подобий святых чудотворных икон греческих и российских, но от свое-разсудительнаго смысления: вид плоти одевлевают (утолщают), и в прочих начертаниих не подобно древним святым иконам имеюще, но подобно латинским и прочим, иже в Библиях напечатаны и на полотнах малиованы. Сия живописательная новоиздания раждают нам сомнения...»¹¹ Еще более резко характеризует подобного рода религиозную живопись протопоп Аввакум: «По поущению Божию умножися в нашей русской земли иконнаго писма неподобнаго изуграфы... Пишут Спасов образ Еммануила; лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя... А Богородицу чревату в Благовещение, яко же и фрязи поганья. А Христа на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги-те у него, что стулчики»¹².

15. Были допущены браки с иноверцами и лицами, состоящими в запрещенных Церковью степенях родства.

16. В новообрядческой церкви был отменен древний обычай избрания духовных лиц приходом. Его заменили постановлением по назначению сверху.

17. Наконец, впоследствии новообрядцы уничтожили древнее каноническое церковное устройство и признали светскую власть главой церкви – по образцу протестантских церквей.

Были и другие новшества, которые со временем все более умножались. Так, если в «Поморских ответах» (начало XVIII в.) перечисляется 58 статей, по которым реформированная новообрядческая церковь отличалась от древлеправославной, то к концу XVIII столе-

⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 159.

¹⁰ Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 2000. С. 330—331.

¹¹ Поморские ответы. М., 2004. С. 183.

¹² Житие протопопа Аввакума... С. 135—136.

тия в старообрядческом трактате «Щит веры» перечисляется уже 131 вид изменений! Новшества росли, словно снежный ком. При этом многие древние чинопоследования церковных таинств были существенно сокращены и изменены (чин крещения, покаяния, венчания, хиротоний), а некоторые древние чины и вовсе упразднены (чин омовения трапезы, омовения святых мощей, причащения богоявленской водой, пострижения инокини, братотворения, чин «хотящему затвориться», чины пещного действия, начала индикта). Одновременно вводились новые, неизвестные православию чинопоследования, заимствованные из Требника митрополита Киевского Петра Могилы, образцом для которого, в свою очередь, послужили католические требники.

Но самое главное – это изменение в *духе* Церкви. После Никона новообрядческая церковь утратила дух соборности, подпала под власть государства и вынуждена была прогибаться при каждой новой смене правительства, изменяя при этом и приспосабливая к новым веяниям свое учение – вплоть до наших дней. Наподобие католической церкви, новообрядческая церковь разделяется на «церковь учащую» и «церковь учимую». Согласно позднему богословию новообрядческой церкви, истинная церковь – это иерархия, епископы и священники, а народ – ничто в церкви, и его дело – беспрекословно подчиняться решениям иерархии, даже если они противоречат духу Христовой веры. Ни о какой выборности священства и епископата, как было в древней Церкви, и речи быть не могло. Все это способствовало появлению в русском народе лжепослушания и лжесмирения. Далее появились и еще более отвратительные явления в жизни церкви: совершение таинств за деньги, нарушение тайны исповеди (что прямо предписывалось «главой церкви» – императором Петром I), совершение таинств над людьми неверующими, приходящими креститься и венчаться «по традиции» или «на всякий случай», коммерциализация и секуляризация церкви...

Чем же руководствовались Никон и стоявший за его спиной царь, предпринимая столь неслыханные по своему масштабу реформы? Что толкало их к такому решительному разрыву со всей прежней богослужбной традицией, освященной авторитетом многочисленных русских святых? Соображения, которыми руководствовались реформаторы, были исключительно политическими и к духовной жизни никакого отношения не имели. Перед прельщенными взорами царя и патриарха заманчиво блистал цареградский венец. И тот и другой грезил об освобождении Константинополя от турок и о византийском престоле. Льстивые восточные патриархи распускали перед ними павлиньи веера, рисуя картины земного торжества православия, обещая им восстание поработанных греков в ответ на объявление Россией войны турецкому султану. Русский царь должен был занять престол Константина Великого, а московский патриарх Никон – стать вселенским патриархом. Но для достижения территориального единства православных народов требовалась лишь одна незначительная «мелочь»: сначала надо было прийти к единству обрядовому, поскольку русские обряды того времени сильно отличались от греческих.

«Царь Алексей Михайлович, воспитавшийся в грекофильских воззрениях, был искренним, убежденным грекофилом. Вместе со своим уважаемым духовником, – благовещенским протопопом Стефаном Вонифатьевичем, он пришел к мысли о необходимости полного единения во всем русской церкви с тогдашней греческой и уже ранее патриаршества Никона... предпринял ряд мер для осуществления этой мысли, которой он остался верен до конца своей жизни. Сам Никон как реформатор – грекофил был, в значительной степени, созданием царя Алексея Михайловича и, сделавшись благодаря ему патриархом, должен был осуществлять в свое патриаршество мысль государя о полном единении русской церкви с тогдашней греческой, причем царь оказывал ему в этом деле постоянную, необходимую поддержку. Без энер-

гичной и постоянной поддержки государя одному Никону, только своею патриаршею властью, провести свои церковные грекофильские реформы было бы решительно невозможно»¹³.

Другой причиной являлось то, что после воссоединения Украины с Россией (1654) возникла необходимость в создании единой нормы богослужения и богослужебного языка (южно-русский, киевский извод славянского языка значительно отличался от московского извода). Грекофильская ориентация царя и патриарха привела Русскую Церковь к принятию не московской нормы богослужения (наиболее близкой к ранневизантийской), а южнорусской, в большей степени соответствовавшей греческим текстам и традициям XVII в. Здесь следует сказать, что на Украине реформа, аналогичная никоновской, была проведена на 50 лет ранее вышеназванным митрополитом Петром Могилой и привела к тому, что киевское богословие и богослужение оказались сильно заражены католическим влиянием.

Поразительно, но сценарий никоновских реформ мы находим еще в 1605 году! В тайной инструкции самозванцу Лжедмитрию I о том, как ввести унию с католиками в России, то есть, по сути, подчинить русских власти римского папы, иезуиты писали:

«д) Самому государю заговаривать об унии редко и осторожно, чтоб не от него началось дело, а пусть сами русские первые предложат о некоторых *неважных предметах веры* (курсив мой – К. К.), требующих преобразования, и тем проложат путь к унии;

е) издать закон, чтобы в Церкви Русской *все подведено было под правила соборов отцов греческих*, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит собор, а там можно будет приступить и к унии;

з) намекнуть черному духовенству о льготах, белому о наградах, народу о свободе, всем – о рабстве греков;

и) *учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя светских*»¹⁴.

Что ж, политика иезуитов в царствование Алексея Михайловича увенчалась успехом. И этим было убито сразу два зайца. С одной стороны, втянувшись в «греческий проект», Россия отвлекла на себя внимание турок, чьи владения подходили почти к самой Вене (находящейся как раз в центре Европы, на полпути между Константинополем и Па-де-Кале), и тем самым в очередной раз невольно спасла жизнь европейской цивилизации. А с другой стороны, европейцы значительно ослабили своего давнего конкурента: Россия была расчленена – если пока не физически, то духовно уж точно. Русская Церковь раскололась, причем та ее часть, которая приняла реформы и пользовалась поддержкой правительства, на столетия заразилась духом латинства, а впоследствии – и протестантизма, усвоив многие западные обычаи и догматы.

Но, к счастью, была и другая часть Русской Церкви, получившая у историков название «старообрядцев». Что и говорить, название неточное – оно сводит все различия между сторонниками и противниками никоновских реформ исключительно к обрядовым, «внешним», как бы второстепенным. Но, во-первых, само слово «обряд» в данном значении позднее, оно введено уже в петровскую эпоху, прочно вошло в обиход господствующей церкви из протестантского богословия, а ранее на Руси не употреблялось. Это слово – не церковное. Древность знает понятия «таинство», «чин» или «последование», но не знает слова «обряд». Во-вторых, для православного сознания вообще не характерно разделение на «внешнее» и «внутреннее» и их противопоставление. Главный христианский догмат о Боговоплощении как раз и говорит о непостижимом («нераздельном и неслиянном») соединении во Христе двух природ – Божественной и человеческой. А потому не человеческого это ума дело: выделять в таинствах внешнее, якобы не важное, несущественное, и внутреннее – существенное. Изменение формы всегда ведет к изменению содержания. Эта истина давно доказана философами. Следовательно,

¹³ Кантрев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Том II. Сергиев Посад, 1912. С. 1—2.

¹⁴ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. Т. 10. С. 93.

более правильным было бы самоназвание, которое взяли себе последователи древнего благочестия: «староверы».

Основная сложность при анализе староверия состоит в том, что любая попытка дать определение тому духовному движению, которое противостояло реформаторам, будет неизбежно нести на себе следы той или иной идеологической позиции. Так, например, вплоть до начала XX в. во всей литературе, издаваемой синодальной церковью, церковные и светские ученые для обозначения старообрядчества использовали термин «раскол», а старообрядцев иначе как «раскольниками» и не называли. О старообрядцах говорили как об «отделившихся», «отколовшихся» от Русской Православной Церкви, подразумевая под словом «церковь» исключительно ту часть русского общества, которая приняла навязанные сверху реформы. Подобные же определения, как правило, повторяются и во всех современных религиозно-исследовательских исследованиях и справочных изданиях.

Однако данные определения противоречат важнейшим положениям старообрядческой религиозной доктрины, согласно которой старообрядчество никогда не отделялось от Православной Церкви и, как ее часть, возникло в I в. н. э. вместе с основанием христианства. Противоречат они и простой логике. Известный старообрядческий деятель В. Г. Сенатов справедливо писал: «Не при Никоне патриархе оно (старообрядчество. – К. К.) возникло и окрепло, а раньше его, так что изначальный момент старообрядчества должен быть отодвинут в глубь веков, он простирается в страшную историческую даль, доходит до самых цветущих времен восточной церкви и апостольского века. Раньше же Никона старообрядчество развивалось в удивительно пышный цвет, оно торжествовало на Стоглавом соборе, его исконным представителем является митрополит Макарий, его исповедовали и князья, и цари московские, и целые сонмы русских святых, оно именно было господствующим исповеданием на русской земле до Никона патриарха, воспитавшегося в нем же и имевшего силу изменить ему. При Никоне патриархе старообрядчество не началось, не зародилось, а было смещено, заменено чем-то иным, новым, старообрядчество же раскидано было по всей русской земле. То, что обыкновенно называют старообрядчеством, или расколом, в сущности есть не что иное, как часть некогда великой и цветущей церкви, искони живой, растущей, одухотворенной»¹⁵.

Так что гораздо корректнее и логичнее говорить не об отделении старообрядчества от Православной Церкви, а о разделении некогда единой Православной Церкви и об отходе от нее – как в учении, так и в практике – новообрядчества.

Современному человеку может показаться странной такая преданность вере, желание умереть за «единый аз». Но не будем мерить других людей своим аршином. Если мы чего-то не понимаем, в этом, скорее, наша слабость, а не преимущество. Вспомним о том, что в Древней Руси человек жил в атмосфере религиозности и что монастырский уклад жизни был принят в каждой благочестивой семье. Часы отсчитывали по церковным службам: заутреня, обедня, вечерня, павечерница.

Вот как описывает обычный распорядок дня русского человека в XVI—XVII вв. историк Н. И. Костомаров: «Предки наши, как знатные, так и простые, вставали рано: летом с восходом солнца, осенью и зимою за несколько часов до света. В старину счет часов был восточный, заимствованный из Византии вместе с церковными книгами. Сутки делились на дневные и ночные часы; час солнечного восхода был первым часом дня; час заката – первым часом ночи... На исходе ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третий, шестой и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня – окончание дня. Русские согласовали свой домашний образ жизни с богослужебным порядком, и в этом отношении делали его похожим на монашеский...»

¹⁵ Сенатов В. Г. *Философия истории старообрядчества*. М., 1995.

Вставая от сна, русский тотчас искал глазами образа, чтоб перекреститься и взглянуть на него; сделать крестное знамение считалось приличнее, смотря на образ; в дороге, когда русский ночевал в поле, он, вставая от сна, крестился, обращаясь на восток... После омовений и умываний одевались и приступали к молению.

Если день был праздничный, тогда шли к заутрене, и благочестие требовало, чтоб встать еще ранее и прийти в церковь со звоном еще до начала служения утрени. Если же день был простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяин совершал должное богослужение по книге, когда умел грамоте (или молился поклонами по лестовке, когда не умел. – К. К.).

В комнате, назначенной для моления, – крестовой – или когда ее не было в доме, то в той, где стояло побольше образов, собиралась вся семья и прислуга: зажигались лампы и свечи; курили ладаном. Хозяин, как домовладыка, читал пред всеми вслух утренние молитвы; иногда читались таким образом заутреня и часы, смотря по степени досуга, уменья и благочестия; умевшие петь, пели. У знатных особ, у которых были свои домашние церкви и домовые священнослужители, семья сходилась в церковь, где молитвы, заутреню и часы служил священник, а пел дьячок, смотревший за церковью или часовнею, и после утреннего богослужения священник кропил святою водою.

Окончив молитвословие, погашали свечи, задергивали пелены на образах, и все расходились к домашним занятиям...

Приступая к началу дневного занятия, будь то приказное писательство или черная работа, русский считал приличным вымыть руки, сделать пред образом три крестных знамения с земными поклонами, а если предстоит случай или возможность, то принять благословение священника...

После ужина благочестивый хозяин отправлял вечернее моление. Снова затепливались лампы, зажигались свечи пред образами; домочадцы и прислуга собирались на моление. После такого молитвословия считалось уже непозволительным есть и пить; все скоро ложились спать. Сколько-нибудь зажиточные супруги имели всегда особые покои с тою целью, чтоб не спать вместе в ночи пред господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и в посты. В эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились пред образами в спальнях; ночная молитва считалась приятнее Богу, чем дневная: «тогда бо нощию ум ти есть легчае к Богу и могут тя убо на покаяние обратити нощныя молитвы паче твоих дневных молеб... и паче дневных молеб приклонить ухо свое Господь в нощныя молитвы»¹⁶.

Свободное время посвящали молитве или чтению духовных книг – Житий святых, Прологов, Златоустов и Маргаритов. Грамоте учились по Часовнику и Псалтырю – этому поистине неисчерпаемому кладезю мудрости и «общедоступной лечебнице». Идеалом русского человека были подвиги аскетов-пустынников, с которыми он знакомился из Прологов и Патериков. Со времен Крещения Руси и до конца XVII в. Пролог, заключающий в себе краткие жития святых и избранные поучения на каждый день года, был любимым чтением русских людей от царя до крестьянина. На старости лет, выполнив свои мирские обязанности и вырастив детей, многие принимали иноческий постриг. Не были исключением и лица знатные, в том числе даже члены царского дома.

Как бы то ни было, трещина в русском обществе XVII в., разделившая его на старообрядцев и новообрядцев, проходила гораздо глубже собственно обрядовых различий, сколь бы ни были они важны в средневековой картине мира. «Смысл раскола сосредотачивался вокруг реформ Никона, связанных с исправлением книг религиозного содержания и изменением некоторых обрядов. Однако эти конкретные факты, случись они раньше или позже, могли бы оказаться незамеченными. Значит, в них проявилось нечто большее, а именно, столкнулись

¹⁶ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Костомаров Н. И., Забелин И. Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996. С. 72—76.

две традиции в понимании веры и в видении церкви, а следовательно, две картины мира, которые культурному канону в его средневековом варианте удавалось примирять. То, что раскол имел такой общественный резонанс, означает, что на новом витке истории, когда не только государство, но и вся русская цивилизация переживала надлом, когда в этой цивилизации становится предельно активной личность, притягательной оказывается традиция в русском православии, являющаяся демократической (то есть старообрядчество. – К.К.). Если проводить параллели с XX веком, то, по сути дела, уже в XVII веке Россия переживала нечто, предвосхищающее революцию начала нашего столетия и последующую за ней гражданскую войну, сопровождавшуюся истреблением огромной массы соотечественников, изгнанием их в другие страны, переселением на другие территории»¹⁷.

С никоновскими реформами, готовившими путь последующим преобразованиям Петра I, жизнь русского человека сильно изменилась. Началась десакрализация культуры, десакрализация жизни. Под воздействием западной культуры происходит обособление русской культуры от церкви (секуляризация, обмирщение) и превращение светской, обмирщенной культуры в автономную область. Это повлекло за собой расслоение русского общества. Если раньше русское общество (при всех различиях в социальном положении) в культурно-религиозном отношении было однородным, то западное влияние, по словам историка В. О. Ключевского, разрушило эту нравственную цельность: русское общество, не одинаково проникаясь западными влияниями, раскололось наподобие неравномерно нагреваемого стекла.

Со времен раскола и последовавших за ним петровских преобразований в России по сути дела возникли две культуры: светская – прозападно ориентированная, укоренившаяся в центре культурной и общественной жизни, и религиозная – ориентированная национально, ушедшая на периферию национально-исторического развития. Когда говорят о русской культуре XVIII—XX вв., то подразумевают преимущественно первую культуру, лишь вскользь упоминая о второй или вообще о ней не упоминая. Русский мыслитель Г. П. Федотов стоявший на позициях официальной церкви, писал: «Вместе с расколом большая, хотя и узкая, религиозная сила ушла из Русской Церкви, вторично обескровливая ее... 0 (ноль) святости в последнюю четверть XVII века – юность Петра – говорит об омертвлении русской жизни, душа которой отлетела»¹⁸. Все сказанное всецело относится к господствующей церкви, в которой за двести лет, прошедших с Петра I до восшествия на престол Николая II, официально было канонизировано всего четыре человека, причем все четыре – епископы, представители высшей церковной власти! Более того, имели место многочисленные случаи деканонизации старых русских святых. Достаточно вспомнить о том, что по указу сверху были деканонизированы святая благоверная княгиня Анна Кашинская (ее нетленные мощи служили неопровержимым аргументом в пользу двуперстия), преподобный Евфросин Псковский (в его Житии содержалось предание о «сугубой», двойной аллилуйе), преподобный Евфимий Архангелогородский (деканонизирован в 1683 г. за двуперстное сложение, с которым он изображался на иконах, и за «большую бороду» – один из внешних признаков старообрядцев), преподобный Максим Грек, преподобный Георгий (Шенкурский чудотворец), блаженный Симон Юрьевецкий. Были прекращены службы святому Нифонту, архиепископу Новгородскому, виленским святым мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию... Список можно продолжать. Свои действия реформаторы объясняли так: «Глупы наши святые были и грамоте не умели», видимо всерьез полагая, что святость напрямую зависит от учености...

Что касается старообрядчества, то мы видим, что с конца XVII века в нем начинается самый настоящий расцвет святости, причем святости несомненной. Мы встречаемся здесь

¹⁷ Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 312.

¹⁸ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 179.

с такими подвигами исповедничества и мученичества за веру, какие можем встретить разве что в первые века христианства, во времена жесточайших гонений на христиан, организованных языческими императорами. Мученическая смерть за веру всегда почиталась высшим христианским подвигом и даже вменялась в таинство крещения, если пострадавший за веру еще не был крещен («крещение кровью»). Как известно, первыми русскими святыми стали именно князья-мученики Борис и Глеб, причем их всенародное почитание предупредило церковную канонизацию. Вполне естественно, что в сознании старообрядцев подвиг стояния за освященные веками церковные предания уравнивал новых страдальцев с древними. Так, например, дьякон Феодор в своем Послании из Пустозерска сыну Максиму и «прочим сродникам и братьям по вере» писал о своих союзниках: «Подвижники они и страстотерпцы великие, и стражут от никониян за церковные законы святых отец доблестные, и терпении их и скорби всякие многолетные болши первых мучеников мнится мне воистину».

Вместе с тем, для старообрядцев кровь новых мучеников, пролитая за Христа, не только приравнивала их к первым христианам, но и служила верным доказательством сохранения старообрядцами истинной православной веры: «Блаженна еси, земле Российская, на конец веков обогрившаяся мученическою многоговеиною кровию, честнейшею паче Авелевы, славнейшею паче Науфеевы, святейшею паче Захариины. Сии бо пресвятии страдальцы исполниша лишение скорбей Христовых в плоти своей (по апостолу – *К. К.*), коих бо ран не понесоша, коих болезней не претерпеша, коих страстей не подъяша! Древнии бо мученицы различныя терпяху болезни, яже во узах и темницах, яже во алчбе и жажди, яже во огни и дыме, яже во мразе и воде, яже на колах и крестех, яже в конобех (котлах – *К. К.*) и на сковрадах. Но и сии пресветлии венечницы всеми виды горчайших мучений не сравниша ли ся древним страдальцем, новии сии страстотерпцы? Ей, сравнишася! Не тыяжде ли проидоша муки и страсти? Воистинну тыяжде. Не теми же ли скончашася смертми? Ей, воистинну теми же. Темже и славу получиша туюжде, и венцы прияша тыя же, и царство наследоваша то же»¹⁹.

Невольно оказавшись на периферии магистрального развития русской культуры, та часть русского народа, которая не приняла никоновско-петровской реформации и получила у историков название «старообрядцев», а у своих гонителей – презрительную кличку «раскольников», чудесным образом сумела сохранить прежний духовный идеал, вдохновлявший наших предков со времен Крещения Руси, и пронести его сквозь века до начала третьего тысячелетия. Это была самая убежденная часть русского народа – «последние верующие», как метко назвал их философ В. В. Розанов.

Однако две культуры, образовавшиеся в России после церковной реформации, несмотря на резкое расхождение между собой, никогда не были абсолютно изолированы друг от друга, и мы имеем многочисленные примеры их взаимовлияния. Староверы всегда представляли собой мощную силу, с которой власти не могли не считаться. Немецкий путешественник барон Август Гакстхаузен, посетивший Россию в середине XIX в., писал: «Староверы имеют большое нравственное влияние на Россию и на правительство. При каждом новом законе, в вопросах церкви, внутренней политики, при предположениях каких-либо улучшений или изменений, – всегда ставится втайне вопрос: что скажут на это староверы?»²⁰ Что уж говорить о широких массах простого русского народа, среди которого нравственный авторитет староверия был необычайно велик! Недавно опубликованная рукопись знаменитого оптинского старца Амвросия, относящаяся к 1850-м гг., красноречиво свидетельствует об истинном масштабе влияния старообрядчества на духовную жизнь простого народа. Резко выступая против отмены правительственных репрессий и предоставления староверам свободы вероиспове-

¹⁹ Дешисов С. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906. Л. 120.

²⁰ Гакстхаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. I. М., 1870. С. 234.

дания, Амвросий пишет, что в условиях свободы «число их (староверов. – К. К.) в один год удвоится, а в несколько лет умножится так, что из простого православного народа мало останется не поврежденных расколом»²¹.

А вот еще одно свидетельство. «Русская «мужичья» нация... продолжала жить своей, отличной от барской, религиозной жизнью, находившейся под сильным влиянием старообрядчества. Последнее считалось нередко какой-то высшей, более совершенной формой православия, что продолжалось и в XIX веке. Мужик говорил: «мы по церкви (т.е. принадлежим к господствующей церкви. – К. К.), люди мирские, суетные». Бывали случаи, что священника спрашивали: «а что, батюшка, не пора ли нам (при приближении старости) во святую-то веру (т. е. в старообрядчество) «»²². Таково было отношение простого русского народа к старой вере, к святой вере. В старообрядцах видели подлинно духовных учителей, всем своим образом жизни следовавших по пути, заповеданному Христом. Вопреки всем запретам и гонениям, практически не прекращавшимся со времен царя Алексея Михайловича, они стойко продолжали придерживаться веры своих отцов.

Так что не высохла река русской святости, не иссякла, но ушла в сокровенные глубины народные, продолжая во многом влиять на русскую жизнь. Недаром к середине XIX в. в защиту самобытности русской культуры выступили уже представители дворянского сословия – славянофилы. Недаром тогда же начался настоящий всплеск интереса среди «высших слоев» общества к национальному стилю в искусстве, интереса к национальной истории и культуре. Время разбрасывать камни прошло – наступило время собирать камни.

²¹ Амвросий (Гренков). Веротерпимость // Древлеправославный вестник, 1998. №1.

²² Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. Москва – Иерусалим, 1994. С. 52.

Епископ Павел Коломенский и начало никоновской инквизиции

*«Задумался, сошедшия между собою; видим, яко зима хочет
быти; сердце озябло и ноги задрожали».*

«Житие протопопа Аввакума»

Все началось с того, что в 1653 году, в начале Великого поста, патриарх Никон разослал по храмам указ – «память», в которой всем православным с этого дня предписывалось: «не подобает в церкви метания (т.е. поклоны – К. К.) творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы крестились». Эта пресловутая «память», изданная патриархом единолично, без предварительного соборного обсуждения, была как гром среди ясного неба. Но особенно тяжелое впечатление произвела она на ревнителей церковного благочестия – боголюбцев. Протопоп Иоанн Неронов на неделю затворился в келье московского Чудова монастыря, непрестанно молясь. И был ему глас от иконы Спасителя: «Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Протопопы Аввакум и Даниил Костромской, собрав выписки из богослужебных книг о сложении перстов и о поклонах, подали их царю, который отдал челобитную протопопов непосредственно патриарху... С августа 1653 г. начался разгром боголюбцев. Было отправлено в ссылки более 10 протопопов – лидеров этого движения. С Иоанна Неронова Никон снял скуфью и заточил в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере; Логина Муромского он лишил священнического сана и сослал в муромские пределы; Даниила Костромского лично мучил в Чудовом монастыре, а после сослал в Астрахань, где его уморили в земляной тюрьме; Аввакума сослали в Сибирь, и лишь заступничество царя спасло его от извержения из священного сана... По стране было сослано множество священников и мирян, сторонников боголюбцев, а некоторые из сосланных даже были казнены.

Устранив наиболее активных своих противников, Никон решил собрать собор для узаконения своих беззаконий. Собор состоялся в Москве в следующем, 1654 году. Председательствовали на соборе царь и патриарх. Среди участников было пять митрополитов, четыре архиепископа, один епископ, 11 архимандритов и игуменов, 13 протопопов, несколько приближенных царя. Кандидатуры участников собора были самым тщательным образом подобраны патриархом и царем, что дало повод отцу Иоанну Неронову назвать собор «соньмищем иудейским». Постановления собора были предreshены уже самим способом принятия решения: первым голос подавал царь Алексей Михайлович...

Однако, несмотря на тщательный подбор «кадров», проводившийся царем и патриархом перед началом собора, все же нашлись недовольные, а один из епископов открыто выступил в защиту старых книг. Это был епископ Павел Коломенский, который и стал первой жертвой гордого и властолюбивого патриарха. «Мы новой веры не примем», – прямо заявил Никону епископ Павел. (Суть этой «новой веры» впоследствии очень точно выразит новообрядческий патриарх Иоаким: «Я не знаю ни старой, ни новой веры, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем».)

Пытаясь «вразумить» непокорного епископа и обосновать необходимость книжной «справы», Никон заявил, что речь-де идет совсем не о новой вере, а лишь о некоторых «исправлениях» и что «ко исправлению требуется грамматическое художество», на что епископ Павел резонно отвечал: «Не по правилам грамматики новшества вносятся; какая грамматика повелевает вам трисоставный крест с просфор отметати? Но не по правилам грамматики седмицу просфор на службе отместете, символ приложеньми и отложеньми умножаете». Перечислил епископ и прочие новшества, вводимые отнюдь не по грамматическим правилам: и троеение «аллилуйи», и сложение перстов, а вместо подписи своей под соборными постановлениями

написал: «Если кто от преданных обычаев святой соборной церкви отымет, или приложит к ним, или каким-либо образом развратит, анафема да будет».

Это привело Никона в ярость. Он собственноручно избил епископа Павла на соборе, сорвал с него мантию, без соборного суда лишил епископской кафедры и велел немедленно отправить в ссылку в далекий северный монастырь.

Последовать примеру епископа Павла и открыто протестовать против новшеств никто из епископов не решился, хотя многие были с Никоном и не согласны. К тому же за молчание каждому архиерею было «дарствовано» патриархом по сто рублей. Иерархия, покорно пошедшая за Никоном и царем, начала утрачивать свой авторитет. Инициатива в борьбе за старую веру и духовный авторитет почти сразу перешла к простым священникам, а после физического уничтожения большинства из них – к избранным мирянам. Через два месяца после завершения собора, в июле того же года, Москву постигла тягчайшая эпидемия моровой язвы. Многими православными это было воспринято как наказание Божие за отступничество церковной иерархии от веры предков. Подозрительное отношение к епископату, вскоре превратившемуся в замкнутую касту, подчиненную светскому лицу – обер-прокурору Синода (дореволюционный аналог советского председателя Совета по делам религий), надолго осталось в русском народе. С другой стороны, многие старообрядческие духовные наставники и начетчики, выдвигавшиеся из народной среды и являвшиеся по церковным канонам «простецами», стали пользоваться таким высоким авторитетом, о котором в прежние годы не мог мечтать и патриарх.

В народе прекрасно понимали прозападную сущность церковной реформы Никона. 25 августа 1654 г. в Москве начался бунт против него – во время обедни народ пришел к Успенскому собору с образом Спаса Нерукотворенного, на котором лик и подписи были выскоблены по приказу патриарха. Москвичи выступили против уничтожения икон и возмутились тем, что к книжной справе было допущено такое сомнительное лицо, как Арсений Грек, неоднократно менявший веру. Одним из главных лозунгов восставших было прекращение церковной реформы. «Патриарх ненадежен в вере и действует не лучше еретиков и иконоборцев», – говорили они.

Ситуация в Русской Церкви середины XVII в. в определенной мере напоминала ситуацию в Греческой Церкви после Флорентийской унии. Флорентийской унией называют соединение Западной и Восточной Церквей, оформленное во Флоренции в 1439 г. на соборе, именуемом католиками Восьмым Вселенским. Тогда акт соединения Церквей был подписан с византийской стороны императором Иоанном VIII и представителями восточных патриархов. Присутствовавший на соборе константинопольский патриарх Иосиф подписать этот акт не успел, поскольку скоропостижно скончался незадолго до окончания собора, но и сам он, и его преемник патриарх Митрофан были сторонниками унии. Через 12 лет, в 1451 г., унию подтвердил преемник Иоанна VIII последний византийский император Константин XI. Тем самым высшая церковная и светская власть в Константинополе подчинилась Риму, желая ценой отступничества от православия получить помощь Запада в борьбе против турок. Однако церковный народ Византии унии не признал, и юридический документ, подписанный во Флоренции, по сути, превратился в никому не нужную бумажку. Византийское сопротивление сконцентрировалось тогда вокруг единственного епископа, не признавшего унию, – митрополита Эфесского Марка Евгеника. Аналогичную ситуацию мы видим и в России: единственный епископ, открыто выступивший против подготовленной иезуитами никоновской реформы, – Павел Коломенский – возглавил русское сопротивление. Различный исход двух этих православных народных движений во многом был предопределен различной судьбой их вождей-архиереев: если митрополиту Марку Эфесскому удалось уцелеть, то епископа Павла Коломенского ожидала совсем иная участь.

Какова была дальнейшая судьба Павла Коломенского? Епископ Павел за свое сопротивление никоновской «реформации» был «темнице предан», подвергнут мучениям, но остался

непреклонен. Тогда Никон единолично лишил его сана и сослал к Онежскому озеру в Палеостровский монастырь. Получив некоторую свободу, епископ Павел начал учить местных христиан оставаться твердыми в древних отеческих преданиях. Позже его перевели под более строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь, где он и был убит. Официальная версия такова: «Никто не видел, как погиб бедный: зверями ли похищен или в реку упал и утонул». А Московский собор 1666—67 гг., судивший Никона за многие преступления, вменил извержение из сана и смерть епископа Павла в вину бывшему патриарху: «Да ты же, Никон, – говорится в соборном приговоре, – коломенского епископа Павла без собора, вопреки правил, низверг и обругал и сослал его в ссылку и там его умучил, и то тебе низвержение вменится в убийство».

Старообрядческие же источники дают иную версию последних дней жизни епископа Павла Коломенского. Так, диакон Феодор пишет следующее: «Никон [его] воровски обругал, сан сняв, и в ссылку сослал на Хутыню в монастырь Варлаама преподобного... Павел же тот, блаженный епископ, начал уродствовать Христа ради». Весьма характерно свидетельство о взятном на себя епископом подвиге юродства – уникальный случай юродивого епископа, не известный ранее ни в Греческой, ни в Русской Церкви! К юродивым на Руси, как известно, было особое отношение. Юродивых любили, к ним прислушивались. Юродивым разрешалось то, что не разрешалось никому другому. Обидеть юродивого не смел даже царь. «Павел Коломенский, единственный русский архиерей, юродствует по двоякой причине. Это последняя возможность сохранить жизнь, ибо юродивый считался неприкосновенным. Это последний довод в защиту национальных устоев: епископ, чье пастырское слово презрели, обращается к народу „зрелищем странным и чудным“»²³.

Хутынский игумен и монастырская братия посчитали епископа Павла сумасшедшим, а потому решили не отягощать себя надзором за «безумцем», предоставив ему полную возможность бродить в окрестностях монастыря, где ему вздумается. Однако эту свободу епископ употребил на проповедь древлеправославия среди местных жителей. Об этом через некоторое время стало известно Никону. «Никон же уведав, – пишет дьякон Феодор, – и посла слуг своих тамо в новгородския пределы, идеже он ходя странствовал. Они же обретоша его в пусте месте идуща и похвативше его, яко волцы кроткую Христову овцу, и убиша его до смерти, и тело его сожгоша огнем». 3 апреля 1656 г., в Великий четверг, Павел Коломенский был сожжен в срубе подосланными Никоном людьми – «яко хлеб Богови испечеса».

Епископ Павел не успел поставить себе преемника, но «заповедовал не принимать от русской церкви (т.е. новообрядческой. – К.К.) никаких таинств и священнодействий, приходящих от нее новокрещенных перекрещивать, не принимать новопоставленных в ней священников, утверждал, что не только священноиноки, но и простые благочестивые мужи могут совершать некоторые тайны и удовлетворять других в духовных нуждах»²⁴.

Сохранился еще один любопытный документ, касающийся судьбы епископа-мученика. Это старообрядческое «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского», в котором, в частности, говорится о некоем «великом соборе», состоявшемся по благословению епископа Павла и некоторых других епископов в Куржецкой обители при игумене Досифее.

Куржецкая (Курженская) обитель, основанная неким старцем Евфросином, находилась в Палеостровском крае, куда как раз и был сослан епископ Павел Коломенский. Старообрядческий историк Иван Филиппов в «Истории о зачатке Выговской пустыни» пишет: «По сих же явился ин муж, свят благочестив игумен Досифей с Тихвины Николы Беседнаго монастыря, благочестия ради крыяся, старостию и добродетельми украшенный, иже часто прибегая к пустынь-

²³ Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 401.

²⁴ Макарий (Булгаков), митр. История русского раскола, известного под именем старообрядства. М., 1855. С. 249.

ной некоей Курженской обители, в строении преподобного некоего отца Евфросина, в ней же и святые церкви бяху, в них же собираяся со многими отцы великими постники и знаменосцы, иже от многих стран и от Соловецкия обители изшедшии, яко Ангели нецыи земнии и небеснии челоуцы, службу Божови за весь мир приношаху и житием добродетельным просвещаху»²⁵.

Именно Куржецкая обитель, укрытая непроходимыми лесами и болотами земли Новгородской, стала местом сбора гонимых за свою веру русских людей. Здесь продолжали совершать богослужение по древлеправославному чину те священники, которые не приняли никоновских новшеств. Здесь в 1656 г. состоялся первый собор, четко обозначивший свою позицию по отношению к реформам. Вполне естественно, что в условиях жестоких преследований инакомыслящих собор не мог собраться открыто и был собором тайным, а подписи многих лиц, стоящих под Деяниями Куржецкого собора, скорее всего, были поставлены отдельно (в древней Церкви была подобная практика, когда в условиях гонений проходили так называемые кочующие соборы, а епископы присылали на них грамоты за своей подписью). На соборе были читаны грамоты митрополита Новгородского Макария, архиепископа Вологодского Маркела, епископа Вятского Александра, архимандрита Соловецкого Никанора, московского протопopa Аввакума и многих других. Стоит под Деяниями собора и подпись патриарха Константинопольского Афанасия Пателора, находившегося некоторое время в России. В своих грамотах все перечисленные архиереи и отцы предавали анафеме никониан и их новые догматы. На соборе было составлено жесткое определение: приходящих от никонианской церкви крестить и рукоположения (т.е. священства) ее не принимать.

«Мы, – говорится в Деяниях Куржецкого собора, – споспешествованием Святаго Духа собравшиися в Куржецкой Святой обители, что в Соловецком уезде, из всего священноначалия, всех крестоносных и страданием помазанных мужей и всякого сословия мирских, мудростию и благочестием украшенных. И там мы, всячески довольно и с великим вниманием рассматривахом и судили всех нечестивых догматах и церковных чиноположений внесенных ныне в Россию Никоном патриархом. Наконец сих всех глубоких размышлений, по данной нам благодати от Христа Бога нашего и по правилам святых Апостол и Вселенских бывших соборов, на вечно днесь устанавливаем узаконяем всей Христовой Церкви: дабы все церковные тайны и обряды богослужебные, производимые по печатным книгам Никона патриарха, или ему последующих от ныне бо отнюдь и за священныя и благодатию всеянные не признавать и не веровать.

В случае обращающихся от никонианской церкви к нашему благочестивому согласию, то таковых паки подобает нам совершенно крестити. А хиротонисанных всякого чина, тоже подобает рукополагати архиерею. Все злочестивыя Никона патриарха догматы и его предание, приемлющих оныя, утверждаем присно быти под отлучением от Христа, и предаем их всех мы единодушно анафеме и всем клятвам изображенным на Вселенских Святых соборах и поместных. Аминь»²⁶.

Судя по всему, именно активная роль епископа Павла в Куржецком соборе послужила причиной того, что он был неожиданно перевезен из Палеострова в Новгород и там после пыток сожжен в срубе. Но этого реформаторам показалось мало. Они хотели уничтожить всякое напоминание об осудившем их соборе. Когда в 1663 г. умер тайный приверженец старой веры митрополит Новгородский Макарий, то возглавивший Новгородскую епархию митрополит Питирим, известный гонитель древлеправославия и будущий патриарх, приказал стереть Куржецкую обитель с лица земли. «Тогда вышереченная Куржецкая пустыня лютым оным

²⁵ Филитов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М., 2005. С. 88.

²⁶ Муришков А. Л. Священный Куржецкий собор в Поморье 1656 года. М., 2001. С. 17—18.

от архиерея гонением истребися, и в ней святая церковь огнем пожжена быша»²⁷, – свидетельствует историк Выговской пустыни.

Между тем, властолюбие и гордость Никона, стремившегося стать в православном мире тем же, кем в мире западном был римский папа, вскоре привели его к разрыву даже с поддерживавшим его царем Алексеем Михайловичем. В 1658 году Никон, официально титулованный «великим государем», самовольно оставляет патриарший престол, бросая, таким образом, свою паству на произвол судьбы. Поступая так, он, вероятно, рассчитывал на то, что царь, одумавшись, начнет его упрасивать вернуться на патриаршество и выполнит новые его требования. Но Никон, собственно, уже был не нужен царю и его окружению. «Мавр сделал свое дело» – чудовищный маховик реформы был запущен.

С устранением от церковных дел Никона ситуация в Русской Церкви не улучшилась. Новый Московский собор 1666—67 годов с участием восточных патриархов, которые, как оказалось впоследствии, сами уже давно были низложены со своих престолов собором епископов и поэтому не имели никакого канонического права решать русские церковные дела, осудил и Никона, и старые обряды. Вся многовековая традиция русской святости была поругана и предана проклятиям.

Чтобы заставить русский благочестивый народ принять новую веру и новые книги, собор, прозванный в народе «разбойничьим», благословлял подвергать ослушников соборных определений тягчайшим казням: заточать их в тюрьмы, ссылая, бить говяжьими жилами, отрезать уши, носы, вырезать языки, отсекал руки. В наказе собора духовенству говорилось: «Аще кто не послушает нас в едином чесом повелеваемых от нас или начнет прекословити... мы таковых накажем духовно, аще же и духовное наказание наше начнут презирати, мы таковым приложим и телесные озлобления». В оправдание гонений участники собора ссылались на Священное Писание, толкуя его на свой лад: «Но зане же в Ветхом завете бывшая сень, образ и прописание бяху в новой благодати содеваемых, убо и жезл сей видится нечто прообразование быти». Церковный историк А. В. Карташев прямо называет вещи своими именами, отмечая, что именно в этот период «впервые в жизни Русской Церкви и государства применена была система и дух западной инквизиции». Появление «православной» инквизиции, созданной по образцу католической, явилось одним из наиболее «выдающихся» результатов церковной реформы XVII в. В книге «Пращица» Святейший Синод, обосновывая необходимость создания инквизиции, прибегал к такому кощунственному разъяснению: «Если в ветхозаветной церкви непокорных „повелено убивати“, кольми паче в новой благодати непокоряющихся святых восточной и великороссийстей церкви подобает наказанию предавати, достойно бо и праведно есть: понеже тамо сень, где же благодать; тамо образы, где же истина, тамо агнец, где же Христос». Эту идею разделяли ведущие архиереи господствующей церкви. Так, местоблюститель патриаршего престола, митрополит Рязанский Стефан (Яворский) утверждал: «Сия же вся прилична суть еретиком: убо тех убивати достойно и праведно», и в своей книге «Камень веры» доказывал, что «Златоустый святой с прочими татей и разбойников толкует быти еретиков... Иного на еретика врачевания несть паче смерти».

Мучения и казни совершались в различных частях Русского государства. Увлеченное «греческим проектом» правительство и покорные ему церковные иерархи жестоко преследовали людей старой веры: повсюду горели костры, людей сжигали сотнями и тысячами, резали языки, рубили головы, ломали клещами ребра, четвертовали. Все те ужасы, которые были хорошо известны русскому человеку из житий святых мучеников, пострадавших во времена языческого Рима, теперь стали страшной явью на Руси! «Чудо! как то в познание не хотят прийти! – писал протопоп Аввакум. – Огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которое то апостолы научили так? – не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолам так

²⁷ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 89.

учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Татарский бог Магомет написал в своих книгах сице: непокоряющихся нашему преданию и закону повелеваем их главы мечом подклонить. А наш Христос ученикам Своим никогда так не повелел».

Духовенство и гражданское правительство беспощадно истребляли своих же родных братьев – русских людей. Пощады не было никому: убивали не только мужчин, но и женщин, и даже детей. «Мрачный герой средневековья – испанский инквизитор Торквемада – иногда бледнеет пред нашими русскими инквизиторами-палачами в митрах и вицмундирах»²⁸. Но русские люди при этом являли необычайную силу духа, терпя все лишения и пытки. Многие шли на смерть смело и решительно, подобно первым христианам.

В XVII в. лучшие представители русского народа земным благам предпочли путь сораспятия Христу. Не желавшие предавать веру своих предков, десятки, сотни тысяч русских людей выбрали путь мученичества и исповедничества. Другие (по подсчетам историков, от четверти до трети населения Русского государства!), не дожидаясь грозивших им мучений, устремились в непроходимые леса, на окраины государства, за его рубежи. Спасаясь от преследований, староверы бежали во все концы необъятной Руси: на Дон, в Сибирь, Керженец, Стародубье, где основывали целые поселения, бежали за границу – в Литву и Польшу, Курляндию и Швецию, Пруссию и Турцию. Хранители древнего благочестия бросали свои дома и имущество, забирая с собою лишь иконы и старопечатные книги, и на новом месте, куда их кидала судьба, бережно, по крупицам, возрождали Древнюю Русь.

Невольно возникает вопрос: а возможно ли объяснить столь беспрецедентное сопротивление трети русских людей церковной реформе Никона исключительно «религиозным фанатизмом» и «невежеством», выросшим на почве «обрядоверия», как это пытались представить сначала синодальные, а затем и некоторые советские историки? Безусловно, нет. Как писал известный церковный историк профессор А. Лебедев, «причина раскола лежит гораздо глубже, – она касается самого существа Церкви и основ церковного устройства и управления. Различие в обрядах само по себе не привело бы к расколу, если бы дело обрядового исправления велось не так, как повело его иерархическое всевластие. „Ничто же тако раскол творит в церквах, якоже любоначалие во властех“, – писал известный вождь старообрядчества, протопоп Аввакум, в своей челобитной к царю Алексею Михайловичу. И вот это-то любоначалие, угнетающее Церковь, попирающее церковную свободу, извращающее самое понятие о Церкви (церковь – это я), и вызвало в русской церкви раскол как протест против иерархического произвола. Любоначалие было виною, что для решения религиозно-обрядового спора, глубоко интересовавшего и волновавшего весь православный люд, собран был собор из одних иерархов без участия народа, и старые, дорогие для народа обряды, которыми, по верованию народа, спасались просиявшие в русской церкви чудотворцы, беспощадно были осуждены; и на ревнителей этих обрядов, не покорявшихся велениям собора, изречена страшная клятва, навеки нерушимая»²⁹.

Несмотря на всю важность обрядов и священных текстов, вообще религиозной символики для людей того времени, речь здесь все-таки шла не о простом изменении обрядов и богослужебных текстов, а об изменении всей жизни, характера и духа народа, о подчинении чуждой, навязываемой сверху воле, что через некоторое время стало совершенно очевидным. И пусть бессознательно, но русский православный народ почувствовал это.

²⁸ Вл. М-ов. Предисловие // Денисов С. Виноград Российский... С. 8.

²⁹ Московский еженедельник», 1906 г. С. 27.

Огнепальный протопоп

*В Даурии дикой пустынной
Отряд воеводы идет.
В отряде том поступью чинной
Великий страдалец бредет.
Жена с ним и малые дети
Изгнание вместе несут.
За правую проповедь в свете
Жестоким им вынесен суд.
Старообрядческий духовный стих «Аввакум в изгнании»*

В истории старообрядчества что ни человек – то яркая личность. Но и на фоне других старообрядческих деятелей Аввакум выделяется своей исполинской фигурой, приближающейся в проповеди к новозаветным апостолам, а в «огнепальной ревности» по вере – к ветхозаветным пророкам. Поистине, вся его многострадальная жизнь, прошедшая в беспрестанной борьбе за правду, была мученическим подвигом за Христа. Не только словом, но и жизнью своей доказал «богатырь-протопоп» преданность христианскому учению.

Аввакум Петрович родился 25 ноября 1620 г. в селе Григорове Закудемского стана Нижегородского уезда (ныне – Большемурашкинский район Нижегородской области) в семье священника сельской церкви во имя святых Бориса и Глеба Петра Кондратьева. Основные деятели движения боголюбцев были земляками Аввакума: патриарх Никон, протопоп Иоанн Неронов, епископ Павел Коломенский, архиепископ Илларион Рязанский. Со всеми этими людьми в дальнейшем была тесно связана его жизнь.

Воспитанием детей в семье занималась мать, Мария (в иночестве Марфа) – большая постница и молитвенница, сумевшая передать детям свою горячую веру во Христа. Под ее влиянием у Аввакума с юных лет развивается стремление к аскетической жизни. Матери он обязан и своей любовью к чтению книг.

Аввакум рос впечатлительным ребенком. Как-то раз, увидев у соседа умершую скотину, он был настолько сильно потрясен, что встал среди ночи перед образами и долго плакал, помышляя о своей душе и о предстоящей смерти. С тех пор он привык к ночной молитве – самой благодатной, по словам св. Иоанна Златоуста.

Пятнадцати лет Аввакум остался без отца, а в семнадцать, по настоянию матери, женился на скромной односельчанке – дочери кузнеца Анастасии Марковне, которая стала его верной помощницей и соратницей. На двадцать первом году он был рукоположен в диаконы, а в 1643 г. (или 1644 г.) поставлен в священники в селе Лопатицы (Лопатищи).

Став священником, Аввакум вел поистине подвижнический образ жизни. Вся его жизнь превратилась, по сути, в непрерывное богослужение. Перед тем, как служить Божественную литургию, он почти не спал, проводя время за чтением. Когда подходило время заутрени, сам шел благовестить в колокол, а когда на звонницу прибегал проснувшийся пономарь, передавал колокол ему и шел в церковь читать полунощницу. Продолжительная заутреня сменялась правилом ко Святому Причастию, которое Аввакум также вычитывал сам. На службе он учил прихожан стоять с благоговением и до самого отпуста не выходить из храма. После обедни читалось душеполезное поучение. Пообедав и отдохнув два часа, Аввакум снова брался за книгу. Затем служились вечерня и павечерница, а после ужина еще читались дополнительные каноны и молитвы. С наступлением ночи, уже в потемках Аввакум клал земные поклоны: сам делал 300 поклонов, говорил 600 молитв Исусовых и 100 молитв Богородице; супруге же, которая была такой же строгой подвижницей с юных лет, делал снисхождение: «понеже робятка у нее пицат» – 200 поклонов и 400 молитв.

Столь добросовестное и ревностное исполнение своих священнических обязанностей и строгость нравственных требований к себе и к пастве, с одной стороны, привлекали к Аввакуму множество людей, желавших быть его духовными чадами; а с другой стороны – нажили ему немало врагов, негодовавших на его суровые обличения. Аввакум смело обличал недостатки и нравственную распущенность прихожан, невзирая на их богатство и знатность. «Нищим подати не хочет, – говорил Аввакум про одного своего прихожанина, – а что подаст, ино смеху достойно, денежку и полденежку, или кусок корки сухие. А имеет тысящи серебра и злата, и на псах ожерелья шелковые».

Первый конфликт произошел уже в Лопатицах. Укоряя местного начальника за неправду, Аввакум был жестоко избит и волочен по земле прямо в священнических ризах. Другой начальник его избил и даже пытался застрелить. Наконец, в 1646 г. у Аввакума отняли все его имущество и выгнали из села...

Изгнанный Аввакум бежит в Москву. Здесь он находит покровительство у царского духовника отца Стефана Внифантьева и у отца Иоанна Неронова. Он был представлен самому царю Алексею Михайловичу и с царской грамотой возвратился в Лопатицы. Однако в 1648 г. он вновь был изгнан оттуда местными властями и вновь появился в Москве.

На этот раз Аввакум пробыл в столице до 1652 г., принимая самое активное участие в кружке ревнителей благочестия. Одной из настойчиво проводимой боголюбцами идей становится идея так называемого единогласия. Дело в том, что в богослужбной практике того времени был распространен принцип «многогласия», то есть одновременного отправления различных частей службы с целью сокращения времени богослужения. Часто это приводило к злоупотреблениям, когда смысл читаемых одновременно богослужбных текстов просто не доходил до сознания молящихся.

В 1652 г. Аввакума назначили протопопом в Юрьевец Повольский, куда он прибыл, вдохновленный идеями ревнителей благочестия об исправлении церковных нравов. Однако не прошло и двух месяцев, как Аввакум своею обличительной проповедью, требовательностью к пастве и настойчивым проведением единогласного пения восстановил против себя юрьевецкое духовенство и народ. «Дьявол научил попов, и мужиков, и баб: пришли к патриархову приказу, где я духовныя дела делал, и вытаща меня ис приказу собранием, – человек с тысящу и с полторы их было, – среди улицы били батожем и топтали. И бабы были с рычагами, грех ради моих убили замертва и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежал и, ухватя меня, на лошади умчал в мое дворишко, и пушкарей около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика»³⁰. Ему снова пришлось спасаться в Москве.

Как раз к этому времени патриархом становится Никон, активно взявшийся за проведение церковной реформы. Его новшества вызвали широкий протест, в ответ на который незамедлительно последовали репрессии. В 1653 г. на Кубенское озеро под строгий «начал» был отправлен выступивший против Никона Иоанн Неронов. В августе того же года Аввакум (заменивший его в должности настоятеля Казанского собора на Красной площади в Москве) и костромской протопоп Даниил подали челобитную царю, прося за Неронова. Начинается открытая борьба членов кружка ревнителей благочестия с новым патриархом.

Аввакум проповедует неприятие никоновских «новин». «Ну-ка! Воспрянь и исповедуй Христа Сына Божия громко предо всеми! Полно таиться. А хотя и бить станут или жечь, ино и слава Господу Богу о сем. Не задумывайся! С радостью Христа ради постражди! Осветилась земля русская кровью мученическою. Я бы умер, да и паки умер по Христе Бозе нашем».

Его голос звучит властно, но понятно, и проникает в сердца простых людей. Свою убежденность и образы он черпает из Священного Писания и из творений святых отцов. «Аз есмь ни ритор, ни философ... Простец человек и зело исполнен неведения... Подобен я нищему

³⁰ Житие протопопа Аввакума... С. 63—64.

человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз... У богатога человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатога гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торговогога человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаии пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошел, да и вам даю, жителям в дому Бога моего»³¹.

Не подчинившись приказу Никона молиться по новым книгам, Аввакум вынужден был оставить Казанский собор и продолжал служить по старому чину в сушиле во дворе Иоанна Неронова. «Ибо в иную пору, – говорит он, – и конюшня лучше церкви бывает». За Аввакумом переходит и значительная часть его паствы.

13 августа 1653 г. Аввакум, обличая нововведения, «чел поучение на паперти... лишние слова говорил, что и не подобает говорить» (из письма священника Иоанна Данилова Иоанну Неронову от 29 сентября 1653 г.). В тот же день по доносу Иоанна Данилова Аввакум был взят под стражу Борисом Нелединским со стрельцами из сушила во время совершения всеобщего бдения и доставлен на Патриарший двор, где ночью был посажен на цепь. Взятые вместе с ним 60 человек были посажены в тюрьму и «от церкви отлучены».

На следующий день, в воскресенье, Аввакума, закованного в цепи, отвезли в Андроньев монастырь (на Яузе), где он находился около месяца. Истязания не сломили железную волю протопопа. 15 сентября в Успенском соборе Кремля было назначено расстрижение Аввакума. Однако по личной просьбе царя Алексея Михайловича протопопу оставили его духовное звание, а сам он был сослан в Тобольск.

Через два года, когда до Москвы дошли вести о том, что Аввакум не прекратил своих обличений никоновских реформ и что его проповеди пользуются успехом, пришел указ об отправке опального протопопа еще далее – на Лену, в Якутский острог. Но перевод Аввакума туда не состоялся – в 1656 г. его отправили с экспедицией воеводы А. Ф. Пашкова в далекую Даурию...

Поход Пашкова был сопряжен со всевозможными лишениями и опасностями. Приходилось переносить и холод, и голод, подвергаться нападениям туземцев и диких зверей. «О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие – многое множество птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, изубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие – во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать... Потом доехали до Иргеня озера: волок тут, – стали зимою волочитца... А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок. У людей и собаки в подпяршаках, а у меня не было; одинова лишю двух сынов, – маленьки еще были, Иван и Прокопей, – тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок – верст со сто: насилу бедные и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили... Робята те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут... Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, – кольско горазд! На меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“ И я говорю: „Марковна, до самыя смерти!“ Она же вздохня, отвечала: „добро, Петрович, ино еще побредем“»³².

³¹ Там же. С. 172.

³² Там же. С. 70—78.

Кроме всего прочего, отношения у Аввакума с Пашковым не сложились. Воевода был человек буйный по отношению к подчиненным, и это приводило к резким столкновениям. Не раз протопоп испытывал на себе гнев «озорника» -воеводы, который однажды избил его до потери сознания. Но настал конец и сибирским мучениям протопопу, чему способствовало удаление Никона с патриаршего престола. За время 11-летней сибирской ссылки Аввакуму с семьей пришлось вытерпеть немало мучений, пережить смерть двоих сыновей.

Но даже в столь нечеловеческих условиях благочестивый протопоп не оставлял молитвы и своего келейного правила. Аввакум обладал прекрасной памятью. «И в полунощи, во все-нощное, чтушу ми наизусть Святое Евангелие утрешнее, над ледником на соломке стоя, в одной рубашке...»³³ В своих произведениях он приводит на память целые тексты из Маргарита, Палеи, Хронографа, Толковой Псалтыри. «Егда в Даурах был... идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню и заутреню, или часы – што прилучится.. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, и в воскресныя дни, едучи, пою... Якоже тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, так и душа – брашна духовного желает»³⁴.

Не чужда была Аввакуму и практика «умной» молитвы. «Лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы... Всяку речь в молитвах разумно говорю, а иную молитву и дважды проговорю». Молитва была для него наиболее важным видом не только духовной, но и телесной деятельности, направленной на достижение спасения. В таком понимании молитвы Аввакум близок к традициям византийского исихазма. Главный представитель этой традиции восточно-христианской мысли святой Григорий Палама обосновал положение о том, что космос и жизнь человека пронизаны Божественной благодатью. Приобщение же к благодати осуществляется посредством молитвы. О том же учил и Аввакум: «Во время молитвы, – окружит меня дух, и распространится ум, и радости неизглаголанная исполнится сердце».

Вообще исихазм очень сильно повлиял на мировоззрение средневекового русского христианина и, следовательно, на мировоззрение русских старообрядцев, продолжавших оставаться носителями средневековой русской культуры. Исихазм во многом сформировал на Руси тот образ отношения человека к окружающему миру и образ познания мира, который исследователи называют «кардиогносией» (то есть «сердцеведением»). Именно этот образ определяет отношение к бытию как системе определенных обрядов. Подобное мировоззрение неизбежно должно было вступить в конфликт с чуждым ему европейским гуманизмом, ценности которого активно насаждались в ходе «реформ» XVII в.

Кроме молитвы, путь к спасению открывали истинная вера, покаяние, страдание, и, в равной степени, благодать, добродетель и истинные, «неразвращенные» таинства. Однако в связи с никоновской реформацией и отступлением епископата от веры невольно возникали вопросы: а где же истинная Церковь? Где же истинные таинства? С одной стороны, истинная вера была для Аввакума немыслима без Церкви и таинств. Но, с другой стороны, он прекрасно понимал, что «не всех Дух Святой рукополагает, но всеми действует, кроме еретика». А потому и истинную Церковь Аввакум не связывал лишь с официальной иерархией: «Церковь бо есть небо... Не стены, но законы церковь».

Теперь, когда епископат и высшее духовенство отступили от учения и практики древней Церкви, человек оказывался предоставлен самому себе в выборе пути спасения. Поэтому особый смысл получала идея личной ответственности христианина в миру и церковной жизни. Независимо от своего места в социальной и духовной иерархии человек лично отвечает перед Богом за свои деяния и веру. «Глаголют в безумии человецы... не нас де възыщет Бог законное

³³ Там же. С. 330.

³⁴ Там же. С. 89—90.

дело и веру; нам де что? Предали патриархи и митрополиты со архиепископы и епископы, мы де творим так... шлюся на твою совесть, зане разумное Боже яве есть в тебе».

В 1661 г. по ходатайству московских друзей Аввакуму было дозволено возвратиться из сибирской ссылки. Обратный путь занял около трех лет! Воодушевленный надеждой на восстановление старой веры, Аввакум на всем протяжении своего пути выступал с горячей проповедью против никоновских новин. В городах и селах, в церквях и на торжищах раздавалась его страстная речь, имевшая огромное влияние на народ. «Аввакум всегда и всем проповедовал о гибели православия на Руси вследствие церковной реформы Никона, о необходимости всем истинно верующим стать за родную святую старину, ни под каким видом не принимать никонианских новшеств, а во всем твердо и неуклонно держаться старого благочестия, если потребуется, то и пострадать за него, так как только оно одно может вести человека ко спасению, тогда как новое – никонианское ведет к неминуемой вечной гибели. Эта проповедь святого страдальца и мученика за правую веру и истинное благочестие везде имела успех, везде Аввакум находил себе многочисленных учеников и последователей, которые всюду разносили молву о великом страдальце и крепком поборнике истинного благочестия»³⁵.

В 1664 г. он, наконец, добрался до столицы и был ласково («яко ангел») принят боярами, противниками Никона. Достаточно милостиво отнесся к нему и царь Алексей Михайлович. «Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремле, и, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: „благослови-де меня и помолися о мне!“ И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом! А из кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря после ево челом да челом: „протопоп, благослови и молися о нас!“ Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть?»³⁶

Однако пути Аввакума и его покровителей резко разошлись. Если бояре боролись лично против Никона, то Аввакум шел против никонианства: против церковных новшеств, подлинным автором которых был сам царь и его ближайшее окружение. Бояре убеждали опального протопопа примириться с новой верой, обещая высокое общественное положение и какое угодно место, вплоть до места царского духовника. Но компромисс в делах веры был для Аввакума невозможен.

В столь тяжелую минуту Аввакум находит поддержку в своей жене, Анастасии Марковне, мужественно разделявшей с ним все его лишения. «Жена, что сотворю? – в сомнении спрашивает он. – Зима еретическая на дворе: говорить мне или молчать? Связали вы меня». На это его верная спутница отвечала: «Что ты, Петрович, говоришь? Аз ты и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи. Дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в своих молитвах не забывай. Поди, поди в церковь, Петрович, обличай ересь». Ободренный женою, он ревностно продолжает обличать «еретическую блудню».

До возвращения Аввакума из сибирской ссылки вождем московских староверов был отец Иоанн Неронов. Однако он был уже достаточно стар, и силы покидали его. Через год после ссылки в Спасо-Каменный монастырь он был отправлен еще далее на север – в Кандакшский монастырь Рождества Богородицы (ныне Мурманская область), откуда в августе 1655 г. ему удалось бежать в Москву к Стефану Внифантьеву. Некоторое время он жил тайно в келии отца Стефана, а затем был пострижен в иноки с именем Григорий. Дальнейшая его судьба трагична. Отправленный под «строгий начал» в Иосифов Волоколамский монастырь, он вынужден был на соборе 1666—67 гг. принести покаяние и отречься от дела, за которое боролся и страдал всю жизнь. В дальнейшем его поставили архимандритом Данилова монастыря в Переяславле-Залесском. Там он в самом начале 1670 г. и скончался. Протопоп Авва-

³⁵ Кантрев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Том I. Сергиев Посад, 1909. С. 317.

³⁶ Житие протопопа Аввакума. С. 88—89.

кум весьма болезненно переживал малодушие отца Иоанна Неронова, но при этом не смел его осуждать: «не могут мои уши слышать о нем хульных глагол ни от ангела»...

Время пребывания протопопа Аввакума в Москве можно считать самой горячей порой его проповеднической деятельности. Пользуясь в это время большой свободой, он действовал и устным словом, и писаниями. Аввакум не мог молчать. Он снова пишет проповеди и послания, обличая «мерзость никоновских исправлений», призывая твердо стоять за древнее благочестие. Самому царю он подает особую челобитную, в которой высказывает свой взгляд на положение церковных дел того времени. «Эта челобитная показала государю, что Аввакум крепкий, убежденный сторонник русской церковной старины, и что он добивается собственно полной отмены произведенной церковной реформы и всецелого возвращения к старым церковным порядкам, при которых „никоновы затейки“ не имели бы места»³⁷. Попытка царя Алексея Михайловича примирить Аввакума хотя бы с частью никоновских реформ потерпела поражение.

Царь и бояре были сильно смущены огнепальной ревностью Аввакума. «Не любо им стало, – замечает он, – как опять я стал говорить. Любо им, как молчу, да мне так не сошлось». Успех проповеди Аввакума в московском обществе привел духовные власти в самую настоящую ярость. Они решили принять меры против него и попросили государя о его высылке, так как он «церкви запустошил». 29 августа 1664 г. Аввакум был отправлен в ссылку в далекий Пустозерск, но благодаря заступничеству московских друзей так до этого острога и не доехал, а более года прожил с семьей на Мезени.

В 1666 г. Аввакума привозят в Москву для большого соборного суда и помещают в Боровском Пафнутьевом монастыре. «И привезше к Москве, козновав и стязався со мною у крутицкого митрополита Павла, отвезли в Пафнутьев монастырь и посадили на цепь». Здесь многострадальный протопоп пробыл девять с половиной недель. Чтобы склонить его к новой вере, в Боровск прислали ярославского дьякона Косму с подьячим патриаршего престола. Однако вместо того, чтобы «вразумлять» Аввакума, Косма всячески поддерживал его, ободряя следующими словами: «Не отступай ты старого того благочестия! Велик ты будешь у Христа человек, как до конца потерпишь!»

Из Боровска Аввакум был возвращен в Москву для соборного суда. На этот раз для придания собору большей помпы к участию в нем были привлечены восточные «вселенские патриархи» Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Как выяснилось позже, это были сверженные со своих престолов авантюристы, только впоследствии занявшие патриаршие престолы благодаря вмешательству русского правительства и с помощью турецких властей. На соборе Аввакум не покорился, обратясь к восточным «патриархам» с такой речью: «Вселенские учителя, Рим давно пал. Ляхи с ним же погибли. И у вас православие пестро стало от насилия турскаго Махмета. На Руси же до Никона было православие чисто и непорочно и церковь не мятежна».

13 мая 1666 г. в Успенском соборе Кремля Аввакум был расстрижен и проклят вместе со своим сподвижником диаконом Феодором. Его друзьям священнику Лазарю и иноку Епифанию были отрезаны языки. После суда Аввакума привезли в Никольский Угрешский монастырь и поместили под церковью в отдельную «палатку студеную над ледником». Здесь в праздник Вознесения Господня ему было видение: в полночь, во время чтения наизусть утреннего Евангелия, явились ему Богородица и Христос с «силами многими». И Христос сказал, укрепляя страдальца: «Не бойся, Аз есмь с тобою!».

5 сентября 1666 г. Аввакум снова был доставлен в Боровский Пафнутьев монастырь, а в следующем году его уже отправили в Пустозерск, у Полярного круга, где вскоре по прибы-

³⁷ Кантнерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Том I. С. 344.

тии заключили в «земляную тюрьму» – сруб, закопанный в земле. Жена Аввакума и двое его сыновей также были посажены на Мезени в яму.

В «земляной тюрьме» Аввакум провел пятнадцать лет, терпеливо снося жестокие страдания. Но несмотря на тяжелейшие условия заточения в Пустозерске, «в месте тундряном и безлесном», огнепальный протопоп продолжал бороться за старую веру. Из этого глухого уголка раздавалась его горячая проповедь: послания, трактаты, целые книги рассылались на Мезень, в Москву, в заволжские скиты и другие края России. За годы пустозерского заключения Аввакум написал свыше 40 сочинений, в которых то обращался к властям с увещанием вернуться к старой вере, то писал к своим единомышленникам и духовным чадам, ободряя их, возбуждая их ревность, увещевая их к страданиям за истинную веру, наставляя их, как устроить свою жизнь, разрешая различные их недоумения. Обращался протопоп с посланием и к новому царю Феодору Алексеевичу, призывая его вернуться к заветам родной старины. Однако молодого царя, женатого на польке и активно внедрявшего в государстве западные порядки, речи Аввакума о «родной старине» лишь приводили в раздражение.

В 1681 г. во время Крещенского водосвятия, когда на кремлевском холме и по берегам Москвы-реки собрались сотни тысяч людей, в присутствии царя Феодора Алексеевича на «иордани», один старообрядец с колокольной Ивана Великого «метал» в толпу свитки с политическими карикатурами и «хульными надписями», порочащими царя, светские и духовные власти. Как выяснилось, оригиналы на берестяных хартиях изготовил сам протопоп Аввакум. Такого публичного позора власти простить не могли, и вскоре последовало решение о казни Аввакума и его сподвижников.

14 апреля 1682 г., в Страстную пятницу, формально – за «великия на царский дом хулы», а фактически – за свои религиозные убеждения, по настоянию патриарха Иоакима Аввакум был сожжен в срубе вместе со своими единомышленниками и союзниками – священником Лазарем, дьяконом Феодором и иноком Епифанием. В пламени костра Аввакум высоко поднял руку с двуперстным крестным знаменем и закричал народу: «Будете этим крестом молиться – во веки не погибнете!».

Перед своею смертью Аввакум предсказал скорую кончину царя Феодора Алексеевича. Пророчество это в точности сбылось: 27 апреля 1682 г. молодой царь неожиданно скончался. Народ увидел в этом событии воздаяние за казнь пустозерских страдальцев.

Протопоп Аввакум глубоко почитается всеми старообрядцами. Еще в конце XVII в. появились первые иконописные изображения Аввакума, предстоящего Спасителю (в собрании Государственного исторического музея в Москве), а в начале XVIII в. была составлена служба святым исповедникам и новым российским страдальцам – протопопу Аввакуму, епископу Павлу Коломенскому и другим.

В XVIII в. Пустозерский острог пришел в запустение и постепенно исчез с лица земли. Последние жители покинули это место в 1960-е гг. Сегодня на месте Пустозерска голый песок, мох да низкий кустарник. Лишь кое-где можно обнаружить останки деревянных восьмиконечных крестов. В 1989 г. краевед М. Фещук вместе с товарищами собственноручно изготовили и установили памятный знак в честь мучеников за древнее благочестие; в 1991 г. группа староверов-поморцев из Рижской Гребенщиковской общины установила восьмиконечный крест в память мучеников за веру, а недавно у нарьян-марских староверов появилась идея создания часовни-памятника на месте казни пустозерских страдальцев. И в наши дни к этому поистине святому месту не иссякает поток паломников со всех концов России.

Житие боярыни Морозовой

*И верит она: не погибнет
Идея свободной мольбы,
Настанет пора, и воздвигнут
Ей памятник вместо дыбы!
Старообрядческий духовный стих о боярыне Морозовой*

Кому не знакома с детских лет картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова»?!. Однако, наверное, далеко не всякий сможет правильно ответить на вопрос, кем же была эта женщина, изображенная на знаменитой картине, и почему именно ее художник сделал главной героиней своего шедевра?.. А ведь когда-то боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова была второй женщиной в России после самой царицы!

Родилась она в Москве 21 мая 1632 г. в семье окольного Прокопия Федоровича Соковнина, родственника первой жены царя Алексея Михайловича царицы Марии Ильиничны (урожденной Милославской). Родители ее были людьми благочестивыми и богобоязненными. В 1649 г. юную Феодосию Соковнину выдали замуж за боярина Глеба Ивановича Морозова, который приходился родным братом Борису Ивановичу Морозову, дядьке и свояку царя (вторым браком Борис Иванович был женат на Анне Ильиничне Милославской, родной сестре царицы Марии Ильиничны). Когда в 1662 г. бездетный Борис Иванович умер, то все его огромное состояние наследовал его и без того состоятельный брат Глеб Иванович. Но и он вскоре отошел к Богу, и его молодая вдова стала обладательницей одного из самых крупных состояний того времени.

Палаты боярыни Морозовой были первыми в Москве. Ее любили и уважали при царском дворе, и сам царь Алексей Михайлович отличал ее перед другими боярынями. Она имела звание «кравчей царской державы». Богатство ее было сказочно. Окруженная роскошью, она выезжала в расписной карете, запряженной 12 арабскими конями с серебряными цепями. В доме было не менее трехсот слуг, а крестьян насчитывалось до восьми тысяч. К ней сваталось множество самых знатных в России женихов. Казалось бы, о чем еще можно мечтать молодой красивой женщине?

Но, оставшись вдовой, Морозова целиком посвятила себя делам благочестия и воспитанию своего малолетнего сына Ивана. Ожидая Жениха Небесного, она отказывала женихам земным. Она сама управляла людьми и работала по хозяйству. Целыми часами разбирала она нужды крестьян, «любовию и милостию на дело Господне побуждая». Сама пряла и ткала, шила простое платье и белье, а ночью тайком с близкими подругами-богомолками раздавала его по тюрьмам и больницам. Двери морозовского дома всегда были открыты для всех нищих, убогих и странников. При этом она сама кормила нищих, ухаживала за больными и калеками, обмывала им раны, выполняя тем самым завет Христов. Щедро подавала боярыня и на монастыри и церкви.

В доме боярыни Морозовой строго соблюдался церковный устав. День начинался и заканчивался молитвой. Вместе с хозяйкой молились и все домочадцы. Молитва эта всегда была глубокой и сердечной, так что часто можно было увидеть, как из глаз боярыни лились слезы – «яко бисерие драгое схождаху». Часто молилась она и по ночам, ведь известно, что молитва особенно благодатна в ту пору, когда, по словам св. Иоанна Златоуста, «никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина и нет никакого волнения в доме, потому что никто не препятствует нам заняться молитвою и не отвлекает от нее, когда возбужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ». Ночью сама вставала на молитву, не давая будить себя слугам. По совету отца духовного, клала 300 поклонов да творила 700 молитв Иисусовых...

Несмотря на свою близость к царскому двору, никоновских нововведений боярыня Морозова не приняла, продолжая придерживаться древлеправославия. Она была начитана в богословской литературе и находилась в самой гуще ожесточенных споров старообрядцев с никонианами. «Прилежаше бо Феодосья и книжному чтению, – пишет о ней протопоп Аввакум, – и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостольских». Когда она была еще совсем молодой, с нею «на мног час» беседовал «духовныя словеса» ее деверь, покойный боярин Борис Иванович Морозов.

Познакомившись с протопопом Аввакумом, Морозова под влиянием его страстных речей и длительных бесед становится духовной дочерью и горячей поклонницей огнепального протопопа. Когда именно состоялось первое знакомство Морозовой с Аввакумом, точно не известно, однако уже с весны 1664 г., то есть со времени возвращения Аввакума из сибирской ссылки в Москву, их отношения были очень близкими. Когда гонения на староверов усилились, Морозова стала оказывать материальную помощь ссыльным и принимать у себя гонимых. Ее дом становится центром, вокруг которого собираются ревнители древлего благочестия. Со всеми противниками никоновских реформ, в том числе с протопопом Аввакумом, она вела активную переписку, а по возвращении Аввакума из ссылки предложила ему пристанище в своем доме. Он называл ее любовно сестрой, ставя необычайно высоко: «моей дряхлости жезл и подпора, и крепость, и утверждение».

Укрепляясь в старой вере, боярыня все чаще уклоняется от богослужений в придворных храмах, где она должна была присутствовать в соответствии с придворным этикетом. Старалась она и реже бывать при царском дворе. Это не могло не бросаться в глаза, и о симпатиях боярыни к старой вере скоро становится известно царю. Осенью 1664 г. он присылает к ней для уговоров архимандрита Чудова монастыря Иоакима (будущего патриарха) и ключаря Петра. Но их уговоры оказались напрасны, и тогда власти решили действовать иначе: у Морозовой отобрали половину ее вотчин. Однако физически расправиться с такой близкой к царской семье и родовитой боярыней пока опасались. Благодаря заступничеству царицы Марии Ильиничны, весьма благоволившей к своей родственнице, отнятые вотчины были Морозовой возвращены по указу от 1 октября 1666 г.

Получив возвращенное имение, боярыня с еще большим рвением принимается за дела благотворительности и благочестия. В это время она знакомится с некоей «инокиней благоговейной» Меланией и «смирившись Христа ради, отдадеша ей под начал и до конца отсече свою волю». Старица Мелания (в иночестве Александра) была одной из ярчайших личностей в первом поколении русских старообрядцев. О ней высоко отзывается протопоп Аввакум, величая ее блаженной и треблаженной матерью. Наставляемая старицей Меланией, Морозова начала вести фактически монашеский образ жизни, пешком ходила по темницам, щедро раздавая милостыню заключенным, совершала паломничества по святым местам, к чудотворным иконам и мощам святых угодников.

В своем доме, по сути ставшем монастырем в миру, боярыня держала пять изгнанных инокинь и сердечно радовалась, стоя на ночном правиле и сидя за трапезой рядом с ними. Вместе с боярыней находились ее сестра княгиня Евдокия Урусова и жена стрелецкого полковника Мария Данилова. В числе юродивых, невозбранно приходивших в дом Морозовой, были два знаменитых ревнителя древлего благочестия: Феодор и Киприан. Феодор ходил в одной рубашке, мерз на морозе босой, днем юродствовал, а ночью со слезами стоял на молитве. О нем так рассказывал его духовный отец, протопоп Аввакум: «Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полгода на Москве, – а мне еще не моглося, – в задней комнате двое нас с ним, и, много, час-другой полежит да и встанет; тысячу поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу – иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: „долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься, – веть ты поп! как сорома нет?“ И мне неможется, так меня подымает, говоря:

„Встань, миленькой батюшко, – ну-таки встащися как-нибудь!“ Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был!» Другой юродивый, Киприан, был известен даже самому царю, бывая во дворце среди «верховых богомольцев». Не раз молил он царя о восстановлении старой веры, ходил по улицам и торжищам, свободным языком обличая Никоновы новины. Впоследствии оба юродивых были сосланы на север: один – на Мезень, а другой – в Пустозерск, и там казнены.

Под влиянием монашеских настроений Морозова начинает еще больше удаляться от светской жизни, от всего земного. Молодая боярыня ведет крайне аскетический образ жизни: отказывается от всяких удовольствий, соблюдая строгий пост, под одеждой носит властницу. Вместе с тем, она не устает обличать своих родных и близких, принявших новую веру.

Но вот в 1669 г. умирает царица Мария Ильинична, и Морозова лишается своей главной защитницы и покровительницы. Царь Алексей Михайлович призывает боярыню к себе и пытается склонить ее к новой вере. Но она непреклонна: «Вашему царскому величеству всегда покорны бежом, и есмы, и будем: от прародителей бо сему наказахомся, и от апостола учимся Бога бояться и царя почитати. К новинам же Никона патриарха пристати никогда же дерзнем, ибо от благочестивых родителей рождени во благочестии воспитахомся, измлада священных навыкохом писмен, от пелен Божиим научихомся законом; не отвержемся оных, ими же добре обучихомся».

Родственники Морозовой, близкие ко двору, также пытаются всеми способами воздействовать на нее, не гнушаясь откровенным шантажом. «Ох, сестрица-голубушка, – говорила ей троюродная сестра Анна Михайловна Ртищева, страстная поклонница патриарха Никона, – смутили тебя старицы и о сыне не радишь. Одно у тебя чадо и кто не подивится красоте его. Ох, сестрица, многия скорби примешь, и сына твоего нищим сделаешь». «Ивана я люблю, – возражала на это Морозова, – и молю о нем Бога безпрестанно. Но Христа люблю более сына... Знайте, если вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, прямо вам скажу: выводите сына моего на лобное место, отдайте его на растерзание псам, – не помыслию отступить от благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную».

Феодосия все чаще и чаще начинает задумываться об иноческом постриге. Припадая к матери Мелании, она со слезами умоляет ее благословить на этот подвиг. Но мудрая Мелания не спешила. Она прекрасно понимала, что при высоком положении боярыни такое событие не удастся утаить в доме, и что рано или поздно весть об этом дойдет до царя. При этом пострадают и те, кто совершил постриг, и те, кто вообще был близок к боярыне. С другой стороны, в брачную пору входил сын Морозовой Иван, и необходимо было сначала его женить и передать управление имением в его руки. Заниматься же устройством свадьбы – дело отнюдь не иноческое.

Но боярыня неотступно умоляла об иноческом постриге, и тогда мать Мелания, видя ее горячую веру и великое усердие в делах благочестия, уступила. В 1670 г. в Москву прибыл один из влиятельнейших вождей староверия игумен Досифей. Некоторое время он был игуменом Никольского Беседного монастыря близ Тихвина, затем жил в Куржецкой пустыни в Поморье, а после печально знаменитого собора 1666—1667 гг., окончательно осудившего старообрядцев, был вынужден скрываться от преследований на Дону. Он-то и совершил тайный постриг Морозовой в конце 1670 г. При постриге Феодосия Прокопьевна получила имя инокини Феодоры. Теперь она начала предаваться еще большим подвигам благочестия: устроился пост, увеличилась продолжительность келейной молитвы, все чаще она стала прибегать к исихастской практике священнобезмолвия.

На 22 января 1671 г. был назначен день свадьбы царя с молодой красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной (будущей матерью Петра I). Морозова как старшая боярыня обязана была присутствовать на свадьбе, но, будучи инокиней, она по церковным канонам уже не могла участвовать в придворных церемониях. Тем более, по своей должности она должна

была, произнося титул царя, называть его «благочестивым», целовать его руку и подходить под благословение никонианских архиереев. На такую сделку со своей совестью инокиня Феодора пойти не могла. Сославшись на болезнь ног, она отказалась присутствовать на царской свадьбе. Этим она нанесла глубокое оскорбление царской фамилии. «Вем, яко загордилася!» – кричал разгневанный царь Алексей Михайлович. С этого момента Морозова стала для него личным врагом.

Предчувствуя неминуемую опалу, Морозова приказала старице Мелании и другим инокиням скрыться из Москвы. В ночь на 16 ноября 1671 г. боярыню вместе с сестрой, княгиней Евдокией Урусовой, взяли под стражу. Чудовский архимандрит Иоаким с «великою гордостию» вошел в покои боярыни и приказал ей встать. «Как, – спрашивал он, – крестишься и как молитву творишь?» В ответ Морозова сложила персты по древнему апостольскому преданию и произнесла: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас!» То же самое повторила княгиня Урусова. Гневу недалекого архимандрита не было границ: «Понеже не умела еси жити в покорении, но в прекословии своем утвердилася еси, сего ради царское повеление постиже на тя, еже отгнати тя от дому твоего. Полно тебе жити на высоте (т.е. в покоях боярских – К. К.), сними долу; встав, иди отсюда!» На сестер надели цепи и насильно выволокли из комнат. Со слезами на глазах провожал мать юный сын Иван Глебович. Он видел ее в последний раз.

18 ноября сестер Феодосию и Евдокию уже допрашивали в Чудовом монастыре «духовные власти». Никонианские архиереи ловко сыграли на личной ненависти царя к Морозовой и в споре о вере прямо поставили вопрос: «В краткости вопрошаем тя, – по тем службникам, по коим государь царь причащается и благочестивая царица и царевичи и царевны, ты причастиши ли ся?» Морозова столь же прямо отвечала: «Не причащуся». Обе сестры отказались причаститься даров, освященных по никоновским службникам, назвав властей предержавших еретиками.

Все попытки повлиять на сестер были тщетны, и тогда их заковали в ошейники с цепями и повезли по улицам Москвы. Власти хотели публично опозорить высокородных сестер. Но и это их не сломило. Их позор обернулся настоящим триумфом. За санями с боярыней-инокиней следовало множество народа (именно эту сцену запечатлел в своей гениальной картине Суриков). «Она же седши и стул близ себе положи (т.е. тяжелую колоду, к которой были прикованы цепи – К. К.). И везена бысть мимо Чюдова под царския переходы, руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изобразивши сложение перст, высоце вознося, крестом ся часто ограждаше, чепию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходех царь смотряет победы ея, сего ради являше себе не точию стыдетися, ругания ради их, но и зело услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзах»³⁸. «Смотрите, смотрите, православные! – кричала она. – Вот моя драгоценная колесница, а вот цепи драгие... Молитесь же так, православные, вот сицевым знамением. Не бойтесь пострадать за Христа».

После этого сестер заключили по разным монастырям: Феодору поместили на подворье Псково-Печерского монастыря, находившееся в Белом городе, на Арбате, а Евдокию – в Алексеевский Зачатьевский девичий монастырь на Пречистенке. Там они подвергались всяческому лишению.

Вскоре на долю Морозовой выпало новое испытание: ее сын Иван Глебович, еще совсем молодой юноша, «от многия печали впаде в недуг... и так его улечиша, яко в малех днех и гробу предаша». Зарыдала боярыня и «падши на землю пред образом Божиим, умильным гласом с плачем и рыданием вещаше: увы мне, чадо мое, погубиша тя отступницы!» Да, в XVII веке в Аптекарском приказе лекари были отменные, и уж что-что, а «залечить» умели!

³⁸ Житие боярыни Морозовой // Жития протопопа Аввакума, инока Епифания, боярыни Морозовой. Статьи, тексты, комментарии. СПб., 1993. С. 122.

Теперь царь мог легче расправиться с неугодной боярыней. После смерти Ивана все огромное морозовское имущество было распродано, вотчины розданы другим боярам, а братья Морозовой Феодор и Алексей Соковнины высланы подальше из Москвы.

Для увещания боярыни к ней явился сам патриарх Питирим. «Дивлюся аз, – говорил он ей, – яко тако возлюбила еси чепь сию и не хоцещи с нею и разлучитися». «Воистину возлюбих, – отвечала Морозова, – и не точию просто люблю, но ниже еще насладихся вожденнаго зрениа юз сих! Како бо и не имам возлюбити сия, понеже аз таковая грешница, благодати же ради Божия сподобихся видети на себе, купно же и поносити, Павловы юзы, да еще за любовь едиnorodнаго Сына Божия!» Тогда патриарх сказал: «Доколе имаши в безумии быти? Доколе не помилуеши себе, доколе царскую душу возмущаеши своим противлением? Остави вся сия нелепая начинания и послушай моего совещания, еже, милуя тя и жалея, предлагаю тебе: приобщися соборней церкви и российскому собору, исповедався и причастився». «Некому исповедатися, – отвечала Морозова, – ниже от кого причастится... Много попов, но истиннаго несть». Разгневался патриарх и, «ревый, яко медведь», закричал своим слугам: «Поверзите ю долу, влеките нещадно! И яко пса за выю влачаще, извлеките ю отсуду! Вражия она дщерь, страдница (каторжница – К. К.), несть ей прочее жити! Утре страдницу в струб!» Боярыню начали избивать и по полу потащили за цепь. «И сиче ей влекоме с лестницы, все степени главою своею сочла»³⁹.

Зимой 1673 г. инокиню Феодору, Евдокию Урусову и их единомышленницу Марию Данилову подвергли жестоким пыткам. Их, полуобнаженных, поднимали на дыбу, встряхивали, выворачивали руки. Боярыню «держали на тряске долго, и ремнем руки до жил протерли». Когда начали бить пятью плетью Марию Данилову, Морозова не выдержала и стала говорить мучителям: «Это ли христианство, чтобы людей так мучили?» После пытки раздетых страдалиц бросили прямо на снег. Так они пролежали часа три, а в это время на Болотной площади – напротив Кремля за Москвой-рекой, куда выходил государев сад, где казнили еретиков и преступников и устраивали кулачные потехи, – стали готовить срубы, наполненные соломой... «Патриарх же вельми просил Феодоры на сожжение, да бояре не потянули». Бояре боялись всенародной казни родовой узницы, поскольку это могло создать нежелательный для них прецедент.

Убедившись в непреклонности Морозовой, царь через три дня после пытки прислал к ней стрелецкого голову со следующими ласковыми словами: «Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Молю тя аз сам, послушай совета моего. Хошу тя аз в первую твою честь вознести. Дай мне таковое приличие людей ради, что аки недаром тебя взял: не крестися треме персты, но точию, руку показав, наднесе на три те перста! Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Послушай, аз пришлю по тебя капитану (карету – К. К.) свою царскую и со аргамками своими, и придут многие бояре, и понесут тя на головах своих. Послушай, мати праведная, аз сам, царь, кланяюся главою моею, сотвори сие!»⁴⁰ Но боярыня не вняла этим льстивым словам, решившись страдать до конца.

Вскоре суд Божий постиг патриарха Питирима – 19 апреля 1673 г. он скончался; как свидетельствует дьякон Феодор, «у живаго у него прогнило горло и вскоре умре от тоя лютыя болезни»⁴¹. Боярыню перевели в Новодевичий монастырь, где ее содержали под строгим началом и насильно заставляли присутствовать при никонианских богослужениях. Но это возымело противоположный эффект: к Новодевичьему монастырю стало стекаться множество представителей знати и простого народа, которые приезжали не для службы, а чтобы лично увидеть знаменитую страдницу и поклониться ей. Тогда царь повелел перевести ее в Хамовную сло-

³⁹ Там же. С. 130—132.

⁴⁰ Там же. С. 135—136.

⁴¹ Пустозерская проза: Сборник. М., 1989. С. 245.

боду, во двор старосты. Сестра царя, царевна Ирина Михайловна, просила его не мучить Морозову. «Он же зарыча гневом великим и рече: „Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь об ней, тотчас готово у мене ей место!“»⁴²

Этим местом стал тюремный острог в Боровске, куда все три узницы были отправлены в заточение. Начало заточения Морозовой в Боровске относится к концу 1673 – началу 1674 г. Здесь уже находилась заточенная «тоя же ради веры» инокиня Иустина. Несколько позже в Боровск доставили княгиню Урусову и Марию Данилову. В сырой и темной земляной тюрьме Боровска они провели около двух лет.

Но все же первое время узницы жили в остроге относительно спокойно. Охранявшие их сотники были еще в Москве задобрены Иоакимфом Даниловым – супругом Марии Даниловой, «чтобы не свирепы были». Их посещал племянник Данилова Иродион, их наставница мать Мелания и другие, сочувствовавшие им. Однако когда об этих посещениях стало известно в Москве, то 23—24 марта 1675 г. был составлен указ о расследовании того, что делается в тюрьме. В Боровск внезапно прибыл подьячий Павел, который «с пристрастием» расспрашивал сотников.

В результате у узниц были отобраны книги, иконы, одежда и пища, а охранявшие их сотники были сосланы простыми солдатами в Белгород на «вечное житье». Положение узниц ухудшилось. Худая одежда их за это время истлела, яма кишела всякими насекомыми и гадами. Пищу им давали самую скудную: «а когда ясти подадут, тогда пить не дают; а когда пить подадут, тогда ясти не подадут». Но и в этих нечеловеческих условиях мученицы продолжали творить непрестанную молитву, навязав из тряпич пятьдесят узлов вместо отобранных четок и по ним, словно по «небесовосходной лестнице», устремляясь в иной мир.

Вскоре было начато новое расследование. 29 июня 1675 г. был прислан дьяк Федор Кузмищев, который «мучениц истязал». В конце июля 1675 г. на площади в срубе были сожжены 14 боровских узников, в том числе бывший слуга Морозовой Иван и ее союзница инокиня Иустина. По распоряжению дьяка Кузмищева боярыню Морозову и княгиню Урусову из опустевшего после казни острога перевели в новоустроенную земляную тюрьму, в «пятисаженные ямы», а Марию Данилову поместили в тюрьму, где «злодеи сидят». Под страхом смерти охранникам запретили давать заключенным пищу и питье...

Первой не выдержала княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова – она скончалась 11 сентября 1675 г. «Феодора тремя нитьма во имя единосущных Троицы пови тело любезных сестры своея и союзницы Евдокии, и увязав вервью». Воины же извлекли за веревку ее тело из земляной ямы и сначала хотели тайно зарыть в лесу. Но и после смерти она не давала покоя мучителям. Не только живую, но и мертвую они боялись выпускать ее на волю. Тело княгини, по указу царя, закопали внутри острога.

Тогда к Морозовой, уже изможденной от «глада и жажды, и от задухи, и вшей», перевели Марию Данилову. Чувствуя приближение смерти, боярыня в последний раз «взалкала», проявив человеческую слабость, призвала стражника и попросила: «Рабе Христов! Есть ли у тебя отец и матери живых или преставилися? И убо аще живы, помолимся о них и о тебе, аще же умроша – помянем их. Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика». Стражник же отвечал: «Ни, госпоже, боюся». Тогда боярыня снова попросила его: «И ты поне (хотя бы – К. К.) хлеба». «Не смею», – отвечал стражник. Умоляла боярыня дать ей «мало сухариков», яблочко, огурчик, и всякий раз слышала отказ. Тогда она попросила исполнить ее последнюю просьбу: похоронить рядом с сестрою. Позвав другого стражника, она отдала ему свою рубашку и попросила постирать ее на реке: «Се бо хочет мя Господь пояти от жизни сея, и неподобно ми есть, еже телу сему в нечисте одежди

⁴² Житие боярыни Морозовой. С. 137.

возлещи в недрах матери своя земля». Стражник пошел к реке, «платно (полотно – К. К.) мыяше водою, лице же свое омываше слезами».

В ночь с 1 на 2 ноября 1675 г. старице Мелании, находившейся в отдаленной пустыни, было видение: явилась к ней во сне инокиня Феодора, одетая в схиму и куколь «зело чуден», сама же была «светла лицом и обрадованна». В своем схимническом облачении Феодора была прекрасна. Чудный свет исходил от нее. Она осматривалась по сторонам и руками ощупывала свои новые одежды, удивляясь красоте небесных риз. Также она непрестанно целовала образ Спасителя, который находился рядом с ней, и кресты, вышитые на схиме. И делала она это долго, пока старица Мелания не пробудилась от сна...

В эту ночь в Боровской темнице святая Феодора умерла от голода. Тем самым духовный поединок между царем и боярыней закончился, и в глазах народа она навеки осталась победительницей. «Народ воспринимал борьбу царя и Морозовой как духовный поединок (а в битве духа соперники всегда равны) и, конечно, был всецело на стороне „поединщицы“. Есть все основания полагать, что царь это прекрасно понимал. Его приказание уморить Морозову голодом в боровской яме, в „тме несветимой“, в „задухе земной“ поражает не только жестокостью, но и холодным расчетом. Дело даже не в том, что на миру смерть красна. Дело в том, что публичная казнь дает человеку ореол мученичества (если, разумеется, народ на стороне казненного). Этому царь боялся больше всего, боялся, что „будет последняя беда горши первая“. Поэтому он обрек Морозову и ее сестру на „тихую“, долгую смерть. Поэтому их тела – в рогоже, без отпевания – зарыли внутри стен боровского острога: опасались, как бы старообрядцы не выкопали их „с великою честью, яко святых мучениц мощи“. Морозову держали под стражей, пока она была жива. Ее оставили под стражей и после смерти, которая положила конец ее страданиям»⁴³.

В 1682 г. на месте захоронения сестер-мучениц Соковниных их братьям Феодору и Алексею удалось положить каменную плиту – это был чуть ли не единственный случай в истории старообрядчества, когда мученическая могила была как-то отмечена. В начале XX в. здесь был установлен памятник, при советской власти разрушенный. Ныне в нескольких шагах от могилы установлен деревянный крест, а рядом на средства, собранные старообрядцами не только всей России, но и многих других стран, возведена часовня-памятник во имя святых мучениц и исповедниц Феодоры (Морозовой) и Евдокии Урусовой и иже с ними пострадавших за правоверие в XVII в. Тем самым словно сбываются пророческие слова из любимого старообрядцами духовного стиха о боярыне Морозовой...

⁴³ Паченко А. М. Русская история и культура. С. 432—433.

«Соловецкое сидение»

*Пусть мы головы положим,
Да по-старому послужим,
Слуги вечны Богу будем
И во Царствии пребудем!
Духовный стих «Соловецкое сидение»*

В 1668 г. началась беспримерная в русской истории осада царскими войсками главной святыни Русского Севера – Соловецкого монастыря, с самого начала никоновской реформации ставшего одним из главных оплотов старой веры. «Соловецкий монастырь был четвертой по значению обителью северной Руси – первым форпостом христианства и русской культуры в суровом Поморье, в „лопи дикой“, опередившим и направлявшим поток русской колонизации... Преподобные Зосима и Саватий выдержали необычайно суровую жизнь на острове, но уже Зосима, настоящий организатор монастыря, представляется нам не только аскетом, но и рачительным хозяином, определившим на века характер северной обители. Соединение молитвы и труда, религиозное освящение культурно-хозяйственного подвига отмечает Соловки и XVI и XVII веков. Богатейший хозяин и торговец русского Севера, с конца XVI века военный страж русских берегов (первоклассная крепость), Соловки и в XVII веке не перестают давать Русской Церкви святых»⁴⁴.

Мирная жизнь обители продолжалась до 1653 года, когда патриарх Никон при поддержке царя Алексея Михайловича начал церковную реформу, расколовшую русское общество на два непримиримых лагеря. Еще в 1658 г., 8 июня, состоялся Соловецкий «черный» собор (т.е. иноческий) по поводу разбора присланных из Москвы новопечатных книг. Принесли книги, стали их читать и просматривать, увидели «чины нововводные», хулу на двуперстное крестное знамение, которым знаменовались святые Зосима и Саватий Соловецкие, Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский. «Видите, братия, – со слезами на глазах сказал архимандрит Илия, – последнее время: восстали новые учителя и от веры православной и от отеческого предания нас отвращают, велят нам служить на ляцких крыжах по новым служебникам. Помолитесь, братия, чтобы нас Бог сподобил в православной вере умереть, яко же и отцы наши, и чтобы латынской службы не принимать». После тщательного изучения текстов новопечатных книг и сверки их с древними рукописями (в Соловецком монастыре была богатейшая по тому времени библиотека древних манускриптов) собор вынес решение: «Новых книг не принимать, по ним не служить и за отца архимандрита стоять...»

Новые книги были снесены в «казенную палатку», а иноки Соловецкого монастыря продолжали служить по старым книгам. Вместе с тем в течение нескольких лет они написали царю пять челобитных, в которых умоляли его лишь об одном: разрешить им оставаться в вере своих отцов. «По преданию Никона, патриарха бывшего, и по новоизложенным его книгам, проповедают нам ныне Никоновы ученицы (ученики) новую неизвестную веру, ея же веры мы и прадеды и отцы наши до сего дни не слыхали», а отеческую «нашу православную веру похулили и весь церковный чин и устав нарушили, и книги все перепечатали на свой разум, богопротивно и развращенно». «Плачемся вси со слезами, помилуй нас, нищих и сирот, повели, государь, нам быти в той же нашей старой вере, в которой отец твой, государев, и все благоверные цари и великие князи скончались, и преподобные отцы Соловецкой обители: Зосима, Саватий, Герман и Филипп митрополит, и вси святии отцы угодили Богу». Для соловецких иноков, как и для всех искренне верующих русских людей XVII столетия, измена старой вере

⁴⁴ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 161—162.

означала измену самой Христовой Церкви и Самому Богу. А потому, подобно первым христианам, они соглашались скорее идти на пытки, мучения и верную смерть, нежели отступить от веры, в которой спасались их предки. Эту мысль четко выразили авторы составленного уже в конце XVII в. «Тропаря Соловецкого монастыря преподобномучеником новым, пострадавшим за Христа» (глас 4):

Земных благ возненавидели есте
И небеснаго царя Христа, Сына Божия, возлюбили есте,
Многообразныя раны претерпели есте
И кровию своею Соловецкий остров вторым освящением освятили есте,
И венцы от Бога яве приясте,
О нас молитися прилежно, блажени,
Память всепразднственную вам совершающим.

Тем временем в Москве Никон оставил патриарший престол (1658), и появилась робкая надежда на возвращение к старой вере. Преследования ревнителей древлего благочестия на время прекратились, протопопы Аввакум, Иван Неронов и другие были возвращены из ссылки, и в Соловецком монастыре продолжали служить по-старому. О Соловках и их стоянии в вере как будто на время забыли...

Однако надежды на восстановление древлеправославия оказались тщетными. 1 июля 1659 г. скончался соловецкий игумен Илия, а в марте 1660 г. в Москве поставили в архимандриты Соловецкой обители иеромонаха Варфоломея, который, прибыв в монастырь, отстранил старых советников из состава монастырского собора и ввел туда новых, угодных себе. Новый архимандрит пытался вводить в монастыре и новые порядки. Так, в 1661 г. он предпринял попытку ввести в обители недавно принятое в Москве «наречное» пение вместо древнего «наонного». Это вызвало ропот среди братии монастыря, а головщики (руководители церковных хоров) продолжали по-прежнему петь по старинным певческим книгам. В 1663 г. Варфоломей совершает новую попытку реформирования, но она снова заканчивается полным крахом. Братия монастырская крепко стояла за старину. Как раз в это время на Соловках старец Герасим Фирсов написал «Послание к брату», в котором привел многочисленные свидетельства в защиту двуперстия, а старец Феоктист составил «Слово об антихристе и тайном царстве его», где доказывал идею о том, что антихрист уже царствует в мире духовно, а Никон – предтеча его.

В 1666 г. Варфоломей отправляется на собор в Москву и открыто переходит на сторону новообрядцев. Здесь он доносит властям об упорстве соловецких иноков, не желающих принимать никоновскую реформу. В ответ снаряжается особая комиссия во главе с архимандритом Спасо-Ярославского монастыря Сергием, которая 4 октября 1666 г. прибывает на Соловки.

По прибытии комиссии в обитель был созван «черный» собор, на котором соловецкие иноки говорили: «Прежде от Соловецкого монастыря вся русская земля просвещалась всяким благочестием, и ни под каким зазором Соловецкий монастырь не бывал, сиял как столп и утверждение. А теперь вы учитесь новой веры от греков, когда греческие учителя сами лба перекрестить по подобию не умеют и без крестов ходят». После долгих споров и пререканий о вере архимандрит Сергей, не солоно хлебавши, возвратился в Москву.

Вслед архимандриту была послана царю челобитная (вторая по счету), в которой говорилось: «Прислан к нам с Москвы в твое царское богомолье, в Соловецкой монастырь, Ярославля Спаского монастыря архимарит Сергей с товарищи учить нас церковному закону [по] преданным книгам... И милости у тебя, великого государя, вси со слезами богомолцы твои и раби твои государевы молим и просим: помилуй нас, благочестивый, милосердый великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, послы нам, якож Отец Небесный, всещедрую свою и великую милость, не вели, государь, ему, священноархимариту Сергею, прародителей твоих государевых, благоверных

царей и благочестивых великих князей, и начальников наших и великих чудотворцов, преподобных и богоносных отец Зосимы и Саватия и Германа и преосвященного Филиппа, митрополита Московского и всея Руси, предания нарушать. И вели, государь, в том же предании быти нам, в коем чудотворцы наши и прочие святии отцы, и отец твой, великого государя, благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаило Федоровичь всея Руси, и дед твой государев, блаженный Филарет Никитичь, Московский и всея Руси патриарх, богоугодным своим житием препроводиша дни своя, чтоб нам, богомолцам твоим и трудником, врознь не розбрестися и твоему, великого государя, богомолию, украинному и порубежному месту, от безлюдства не запустеть»⁴⁵.

Но царю было не до преподобных русских чудотворцев и не до своего «порубежного богомолия». Он уже грезил о литургии в храме св. Софии константинопольской и мысленно примерял византийский венец. Челобитная соловецких иноков была оставлена без ответа. Вместе с тем власти удовлетворили их просьбу о смещении прежнего архимандрита Варфоломея. Однако новым архимандритом монастыря был поставлен не Никанор, которого желала видеть на этом месте монастырская братия, а совсем иной человек. 23 июля 1667 г. был принят патриарший указ о поставлении соловецким архимандритом бывшего московского строителя Иосифа, единомышленника Варфоломея. Ему было поручено ввести в Соловецком монастыре новые обряды. Узнав об этом, соловляне послали соборных старцев навстречу новому архимандриту с прямым вопросом: по каким книгам он будет служить в монастыре – по старым или по новым?

Когда соловецкие иноки узнали о том, что Иосиф – сторонник новообрядцев, то под благословение к нему не подошли. 15 сентября 1667 г. в Спасо-Преображенском соборе монастыря состоялось заседание черного собора, на котором присутствовали и миряне. Теперь, после публичного, с участием «вселенских патриархов», проклятия старых обрядов в Москве на печально знаменитом соборе 1666—67 гг., стало ясно, что проводить прежнюю политику игнорирования церковной реформы уже не удастся. Надо было принять определенное и прямое решение. Соловецкий черный собор категорически отверг новые книги и обряды и отказался признать Иосифа своим архимандритом.

Вдобавок, вскрылись еще кое-какие интересные факты: прибывшие в Соловецкий монастырь архимандриты Варфоломей (бывший) и Иосиф (нынешний, не принятый черным собором) пытались тайно провезти в монастырь целую ладью вина для спаивания братии. «А как к нам приехали, ей тебе, великому государю, пишем не затевая, малых и средних и болших вина 39 бочек, да меду и пива бочек с пятнадцать. И в том твоя, великаго государя, воля, то питье мы у них пред манастырем на пристанищи, по прежнему монастырскому чину, по преданию чудотворцев, розбили все»⁴⁶.

В день собора Иосифу была вручена общая челобитная о вере, в которой говорилось о бесполезности присылки новых увещателей и о готовности соловецких иноков стоять насмерть: «И вели, государь, на нас свой меч прислать царьской, и от сего мятежнаго жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие; а мы тебе, великому государю, не противны»⁴⁷. И случилось неслыханное: в ответ на смиренные просьбы соловлян 3 мая 1668 г. царским указом для приведения в повиновение мятежной обители на Соловки была послана воинская команда. Началась чудовищная по своему святотатству восьмилетняя осада главной православной святыни Русского Севера.

⁴⁵ Дешиов С. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 2002. С. 227—228.

⁴⁶ Цит. по: Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667—1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 47.

⁴⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. И. Субботина. Т. III. М., 1878. С. 210.

22 июня 1668 г. стрельцы под командованием стряпчего Игнатия Волохова высадились на Соловецком острове. Иноки заперлись в обители, причем на одном из общих собраний предложили всем колеблющимся братьям, а также мирянам заблаговременно удалиться из монастыря. Таких оказалось немного – около 40 человек. Остальные, числом до полутора тысяч человек, решили стоять насмерть за старую веру и «будущих святых сладости получить», нежели, приняв новоустановленные предания, временно пребывать в сладости земного жития.

Целых четыре года Волохов со стрельцами стоял под монастырем, весной и летом «разная озлобления... творяше», обстреливая его из пушек и пищалей. Осенью же отходил к берегу, в Сумской острог, не давая выходить из монастыря, приказывая хватать служебных старцев и слуг и после различных мучений предавать смерти. Однако местное население активно помогало осажденным инокам, поставляя в монастырь необходимые съестные припасы и уведомляя о военных приготовлениях к осаде. Да и сами стрельцы, набранные в основном из жителей северных городов, неохотно участвовали в блокаде святого места. Ладьи с солью, рыбой и хлебом, направлявшиеся из района Сумского острога в Архангельск, постоянно «сбивались с пути» и приставали к Соловецким островам. Летом 1670 г. Волохов разослал во все соловецкие усолья «наказные памяти», угрожавшие смертной казнью «безо всякого милосердия и пощады» за поездки в монастырь и письма туда. Но и это не помогло. Поморы не прекращали поддерживать осажденный монастырь. В результате Волохов, «ничтоже успев», царским указом был отозван в Москву.

Вместо Волохова на разорение Соловецкой обители в 1672 г. был послан сотник московских стрельцов Климент Иевлев, человек лютый и немилостивый. К прежним 225 стрельцам было прибавлено еще 500. За два года Иевлев сотворил «зельнейшую тесноту» и «горчайшую нужду» святому месту: пожег вокруг монастыря все келии, «устроенные для упокоения иноков», скотный двор вместе с животными, рыболовецкие снасти, пытаясь взять затворников измором. Но жестокий сотник принял за свои злодеяния справедливую кару от Бога: «поражен язвою согнития» и в болезненных страданиях взят в Москву.

В 1674 году «пришел под киновию» новый воевода Иван Мещеринов «и с ним воинов тысяща триста... со многими стенобитными хитростями». При этом «неблагонадежные» стрельцкие начальники были заменены «новокрещенными иноземцами» рейтарского строя (майор Келин, ротмистр Буш, поручики В. Гутковский и Ф. Стахорский). Царь прекрасно понимал, что сердце пришлых наемников, с трудом изъяснявшихся по-русски, не дрогнет перед осквернением православной святыни. «Обитель неблагоприятно восхоте разорити и собрать... богоборну и злочестиву, немца и поляков».⁴⁸

Теперь, когда прибыли настоящие специалисты военного дела, осада монастыря стала вестись по всем правилам военного искусства того времени. Близ неприступных крепостных стен построили городки и шанцы, и обстрел монастыря стал постоянным и целенаправленным. Одновременно под три монастырские башни велись подкопы.

Но несмотря на жестокую осаду, соловецкие иноки продолжали богослужения. Отчаявшись в помощи и милости человеческой, «с горькими слезами и воплем» просили они помощи и заступления у Бога, Пречистой Владычицы Богородицы и преподобных Зосимы и Саватия. Молитвами и слезами и «дненощенными богостоянии противу ратных вооружахуся». В обители пелось по два молебна каждый день, чтобы солдаты не поимели «дерзновения внити во ограду монастыря».

И тогда произошло настоящее чудо: «премилостивый Господь, близ всем призывающим и (Его. – К.К.) воистину, посла на ня (них – К. К.) мор великий, знамениями язв являемый». За три-четыре дня умерло около 700 человек. Испуганные этим знамением, многие

⁴⁸ Бубнов Н. Ю. Неизвестная челобитная Игнатия соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972. С. 102—103.

из оставшихся в живых стрельцов постригались в иночество и покаянием очищали свои души. Незримое заступничество преподобных отцов Зосимы, Саватия и Германа ограждало обитель от многих приступов и пушечных выстрелов.

Но воевода Мещеринов не останавливался ни перед чем. В безумном ослеплении приказал он своим приспешникам нацелить пушку в самый алтарь соборной церкви монастыря и стрелять. Ядро, пролетев через окно, ударило в образ Всемилового Спаса, находившийся в самом алтаре. Но этого показалось мало. Обстрел обители начался сразу из трех орудий (на 160, 260 и 360 железных ядер). После первых двух выстрелов ядра, пролетев над самыми крестами монастырских церквей, рвались на пустынном месте, а после третьего – одно разорвалось у гробницы преподобного Германа. В это время в церкви преподобных Зосимы и Саватия свещевозжигатель увидел «старца святолепна», подходившего к священным ковчегам со словами: «Братие Зосимо и Саватие, встаните, идем к Праведному судии Христу Богу, суда праведна на обидящая ны (нас – К. К.) просити, котории нам покоя и в земли дати не терпят». Преподобные же, восставши в своих раках (гробах), отвечали: «Брате Германе, иди почивай прочее, уже отмщение обидящим ны посылается». И вновь возлегши, почили, и «пришедши святолепный старец невидим бысть».

Отцы Соловецкой обители отслужили благодарственные молебны Господу и преподобным чудотворцам, и еще на долгое время обитель оставалась не только недоступной воинам, но и «стреляния пушек и писчалей» не вредили ей, и никакие создаваемые трудности не могли поколебать духа иноков в их сопротивлении.

Убедившись в бесполезности артиллерийского обстрела обители, Мещеринов избрал иную тактику. Стрельцы копали рвы, делали подкопы, в которые закладывали порох, строили башни и лестницы высотой с монастырскую стену. Тогда «некий белец» (т.е. мирской человек), соловецкий служитель Димитрий с высоты монастырской ограды крикнул осаждающим: «Почто много, о, любезнии, труждаете, и толикия подвиги и поты туне (напрасно – К. К.) и всуе проливаете, приступающе ко стенам града? Зане (ведь – К. К.) и пославый вы государь царь, косою смертной посекаяся, света сего отходит». Осаждавшие не приняли этих слов серьезно, посчитав их пустым юродством. Но слова эти оказались пророческими.

Зимой 1675—76 гг. Мещеринов со стрельцами остался под стенами обители, рассчитывая на скорый успех зимней кампании. 23 декабря 1675 г. он совершил «великий приступ». Однако надежды Мещеринова не оправдались. Потеряв поручика Гутковского и свыше ста стрельцов, он вынужден был отступить. Монастырь, казалось, был неприступен...

Но, как пишет старообрядческий историк, случается «домом великим от домашних развращатися, случается и исполином храбрым от приближенных умерщвятися, случается градом крепким и непреборимым от своих соплеменник предаватися». Нашелся предатель. Некий монах по имени Феокист ночью приходит в стан врага, оставив «обещание свое и отеческую обитель», «оставляет и древлецерковное благочестие, лобызает Никоново новопредание» и подобно Иуде предает затворников в руки палачей, указывая тайный проход через стену.

Хотя предатель пришел в полк к Мещеринову еще 9 ноября 1675 г. и обещал помочь без труда овладеть обителью, но из-за светлости ночей воины не осмеливались в нее войти. И лишь в ночь на 22 января 1676 г. несколько десятков стрельцов под командованием майора Степана Келина проникли в монастырь через указанное Феокистом окно под сушилом у Белой башни. В эту ночь разыгралась страшная буря, лютый мороз объял северную землю, а обильно падавший снег заграждал видимость. Соловецкому сотнику Логину, спавшему в своей келии, был голос: «Логине, востани, что спиши, яко воинство ратующих под стеною, во град будут скоро». Пробудившись и никого не увидев, Логин перекрестился и снова заснул. Во второй раз голос пробудил его от сна: «Логине, востани, что беспечально спиши? Се воинство ратник во град входит!» Встав, он проверил стражу и, вновь осенив себя крестным знаменем, уснул. Когда же в третий раз он услышал: «Логине, востани, воинство ратующих уже во град вниде!», то, разбу-

див отцов обители, поведал им о своем троекратном явлении. Старцы собрались в церкви принести молебное пение Господу, Пресвятой Богородице и преподобным чудотворцам, а затем, отслужив полунощницу и утреню и не видя опасности, разошлись по келиям.

В первый час ночи предатель Феоктист и воины, собравшиеся в сушильной комнате под крепостной стеной, сбили замки, открыли монастырские ворота и впустили оставшееся войско в святую обитель. Услышав шум, мужественные стражи Стефан, Антоний и прочие стражники и иноки числом до 30 вышли навстречу ворвавшимся, но тут же были убиты. Затворившимся по келиям инокам было обещано, что им не будет причинено никакого зла, и тогда монастырские отцы, «веру емше лису тому», вышли навстречу «победителям» с честными крестами и святыми иконами. Однако воевода, забыв про свое обещание, нарушил клятву и приказал отобрать кресты и иконы, а иноков и бельцов развести по келиям под караул.

Проникнув в обитель, стрельцы начали жестокую расправу над иноками, расправу, которой, наверное, позавидовали бы даже зверствовавшие впоследствии на Соловках большевики. Мещеринов лично допрашивал старцев, задавая один и тот же вопрос: «Почто противились самодержцу и воинство посланное отбивали от ограды?» Первым был приведен сотник Самуил, который мужественно отвечал: «Не самодержцу аз противихся, но за отеческое благочестие и за святую обитель мужествовах, и хотящих разорити преподобных отец поты не пуцах во ограду». Мещеринов приказал стрельцам избивать Самуила до тех пор, покуда тот не предал свою душу Богу. Тело его было брошено в ров.

Архимандрита Никанора, который от старости и многолетних молитвенных трудов уже не мог передвигаться сам, на допрос привезли на «малых саночках». Престарелый архимандрит бесстрашно отвечал мучителю: «Понеже (потому что – К. К.) Божиих неизменных законов, апостольских и отеческих преданий посреде вселенныя живущим соблюдати не попускают нововнесенные уставы и новшества патриарха Никона, сих ради удалихомся мира, и в морской сии оток (остров – К. К.) в стяжание преподобных чудотворцев вселихомся... Вас, иже растлители древлецерковныя уставы, обругати священныя отец труды, разрушити богоспасительныя обычаи пришедших, во обитель праведно не пустихом».

Не постеснявшись ни иноческого образа, ни «святолепных» седин старца, ни его великого священнического сана, воевода стал осыпать отца Никанора «бесчестною бранию и нелепыми словесы». Но и этого показалось мало. Мещеринов, лично избив старца тростью и выбив у него зубы, приказал за ноги вытащить его за монастырскую ограду и бросить в ров, на лютый мороз в одной сорочке. Всю ночь страдалец боролся с ранами и морозом, а с рассветом «изыде дух его от тьмы настоящей жизни в немерцающий присносущный свет, и от глубочайшаго рва в превысочайшее небесное царство».

Следующим был допрошен соборный старец Макарий, смело обличавший кощунственные поступки стрельцов. Он также был избит до полусмерти немилосердным воеводой, с издевками выволочен стрельцами за ноги и брошен замерзать на лед. Искусным монастырским мастерам древорезцу Хрисанфу и живописцу Феодору с учеником Андреем отсекли руки и ноги, а затем отрубили и головы. Одних иноков и бельцов за шеи и «междуреврия» подвешивали на острые крюки, других, привязав за конские хвосты, волочили по острову, «дондеже (пока – К. К.) души испустят». Пощады не было даже для больных и немощных – их за ноги волочили на морской берег. Там во льду была вырублена огромная яма без воды. Туда, связав по двое, посадили 150 человек и начали медленно пускать воду. На дворе стоял жестокий мороз, и все страдальцы были заморожены живьем. И лишь немногих, предварительно избив, бросали в подвалы или отправляли в ссылку.

Ярости и жестокости мучителя не было границ. По списку, поданному Мещериновым новому, назначенному из Москвы настоятелю, в живых значилось лишь 14 иноков. Всего же в обители было замучено порядка пятисот иноков и бельцов! Земля и камни острова обогрились кровью неповинных страдальцев соловецких. Морская губа, омывающая монастырь

с запада, вся была завалена телами убитых, заживо замороженных и казненных монахов и бельцов. Во множестве их тела валялись около монастырских стен и болтались на виселицах и деревьях. После расправы тела убиенных и разрубленных на части мучеников еще с полгода лежали непогребенными, пока не пришел царский указ – предать их земле.

Но этого было Мещеринову мало. Казни и убийства сопровождались кощунственным разграблением монастырских святынь (предвосхищение будущего «изъятия церковных ценностей»). Он «экспроприировал» не только собранные за много веков пожертвования и казну, но и бесценные монастырские святыни, в том числе церковную утварь и иконы. И лишь когда обитель была полностью разорена, Мещеринов посылает к царю гонца, возвещая о «победе».

Однако царю уже не суждено было об этом узнать: на следующий же день после взятия Соловецкого монастыря, 23 января 1676 г., он внезапно заболевает, а неделю спустя, 29 января, в канун дня воспоминания Страшного суда Божия, умирает. «И по смерти его той же час гной злосмрадный изыде из него всеми телесными чувствами, и затыкаяюще хлопчатую бумагою, и едва возмогоша погребсти его в землю»⁴⁹. Ранняя смерть царя была воспринята на Руси как Божия кара за гонения и отступничество от древнего православия. Предание говорит о позднем раскаянии царя Алексея Михайловича: заболев, он воспринимает свою болезнь как Божью кару и решает снять осаду с монастыря, послав своего гонца с вестью об этом. И как раз в день смерти царя у реки Вологды встречаются оба гонца: один с радостной вестью о прощении обители, а другой – о ее разорении.

Промыслительным образом были наказаны и святотатцы, разорившие Соловецкую обитель. Новый царь, Феодор Алексеевич, расследовав обстоятельства штурма и разграбление монастырских богатств, велел наказать Мещеринова за превышение полномочий и заточить его на тех же Соловках. Предатель же Феоктист, посланный после взятия монастыря приказным старцем в Вологду, повредился умом и ударился в блудную страсть, после чего заболел неизлечимой болезнью и сгнил заживо.

По окончании расследования уцелевших после «соловецкого сидения» иноков перевезли на материк. Святоотеческие уставы и предания были изменены на новые, а братию заменили на сторонников никонианских реформ, собранных из разных монастырей. О духовном уровне этих новых насельников свидетельствуют жалобы архимандрита Макария патриарху Иоакиму: житье на Соловках, по сравнению с другими монастырями, «вельми нужно» (бедно), иноки «поскучили», не желают есть палтусины, трески и семги, а летом «из монастыря хотят вон брести», даже не спросясь у настоятеля⁵⁰.

Насилие и поругание святого места отрицательно сказалось на последующей судьбе Соловков. Святые церкви опустели, приток паломников сильно сократился, не стало и настоящих подвижников благочестия. Былая слава уже никогда более не возвращалась к Соловецкому монастырю, ставшему тюрьмой для заточения инакомыслящих.

⁴⁹ Пустозерская проза. С. 231.

⁵⁰ Материалы для истории раскола. Т. III. С. 447—449.

«Пря о вере» и «Хованщина»: последняя попытка повернуть колесо истории вспять

*Аще и поползnesia, прежде сих Никита;
Но омывся кровию, яко цвет дафниста,
Дивно в рай, с Савватием страдальца въздоста;
Сладости безсмертныя тако почерпоста.
Семен Денисов «Виноград Российский»*

Весть о сожжении пустозерских узников и о последовавшей за ним внезапной смерти царя Феодора Алексеевича быстро разнеслась по Руси. На Дону поднялось мощное народное движение за возвращение к древлеправославию – донские казаки в большинстве своем оставались староверами. Начались выступления и в столице, где последняя попытка восстановления старой веры была предпринята в 1682 г. московскими стрельцами и горожанами, верными церковной старине.

Московские стрельцы крепко держались древлеправославия и весьма сочувственно относились к гонимым за веру христианам. Им были хорошо известны духовные послания и обличительные письма протопопа Аввакума. С Аввакумом был знаком и начальник Стрелецкого приказа, представитель древнего аристократического рода, боярин князь Иван Андреевич Хованский, строгий последователь древлеправославия, за приверженность к которому еще в начале 1670-х гг. был бит батогами. «Я сам и чту и пою по старым книгам», – говорил он стрельцам. С другой стороны, стрельцы были весьма недовольны начавшейся еще при Алексее Михайловиче и продолженной его преемниками реформой армии и организацией полков иноземного строя. Эта реформа угрожала самому существованию стрелецкого войска.

Волнения начались в Москве еще в конце апреля, незадолго до смерти царя Феодора, а к середине мая вылились в открытое восстание. Одним из главных вождей восстания становится князь Иван Хованский, почему это восстание и вошло в русскую историю под названием «Хованщины». У власти в это время находилась клика Нарышкиных – родственников царицы Натальи Кирилловны, которые в обход старшего царевича, слабоумного и худосочного Иоанна Алексеевича, возвели на престол его младшего брата царевича Петра.

Утром 15 мая вооруженные стрельцы начали собираться у съезжих изб. Когда полки поднялись, одновременно со всех сторон под звон набата стрельцы вступили в Кремль, где в это время как раз закончилось заседание Боярской Думы. Окружив царский дворец, восставшие начали расправу над неугодными боярами. В то же время продолжались переговоры с царскими особами. Выступления продолжались 16 и 17 мая. За это время все государственные учреждения были взяты под контроль стрельцов, после чего в столице снова был восстановлен порядок. Было образовано новое правительство, во главе которого встали царевна Софья Алексеевна и князь Иван Андреевич Хованский.

23 мая выборные от восставших стрельцов явились в Кремль и через князя Хованского потребовали, чтобы в Русском государстве было два царя: старший брат Иоанн – первым, а младший Петр – вторым. На 25 июня было назначено венчание царей. Князь Хованский даже обещал устроить венчание по старому обряду, однако этот замысел не удался, поскольку церемонией венчания руководил известный западник, фаворит царевны Софьи князь Василий Голицын.

Вместе с тем готовилась челобитная о восстановлении старой веры на Руси. Идея подачи этой челобитной созрела давно, однако благоприятная возможность для ее осуществления появилась лишь теперь. Одним из главных вдохновителей подачи челобитной был знаменитый игумен Досифей, ловко уходивший от арестов и тайно путешествовавший между Поморьем,

Москвой и Доном. 20 мая 1682 г. стрельцы при помощи присланных Досифеем иноков составили челобитную, в которой требовали «старую православную веру восстановить, в коей Российские чудотворцы Богу угодили». Челобитная была зачитана перед созванными представителями стрелецких полков.

23 июня состоялось совещание выборных представителей староверия. Общественным лидером движения стал князь Хованский, а духовное руководство осуществляли игумен Досифей, инок Сава Романов, ученик Аввакума священноинок Сергей и священник Никита Добрынин. Стрельцы и жители московских слобод требовали всенародных прений о вере на Лобном месте или в Кремле у Красного крыльца. Они хотели, чтобы патриарх открыто перед всем народом объяснил, чем же все-таки была вызвана необходимость никоновской реформы и почему ревнители старой веры предаются проклятию и ссылаются в заточение, наконец, за что был поруган и разорен Соловецкий монастырь, а его насельники за ребра перевешаны и на морозе заморожены. В день венчания новых царей князь Хованский передал стрелецкую челобитную царям Иоанну и Петру и патриарху Иоакиму, а 27 июня в палатах Кремля уже состоялся первый диспут старообрядцев с патриархом.

Этот диспут, проходивший при закрытых дверях, не принес никаких результатов (если не считать, что после него церковные иерархи сменили греческие жезлы со змеиными головами на старые русские). На следующий же день князь Хованский подал царям вторую челобитную. Новый диспут был назначен на 5 июля. Накануне состоялось совещание вождей старообрядцев, на котором была окончательно выработана программа действий, а для участия в предстоящих прениях было решено направить священника Никиту Добрынина.

Никита Константинович Добрынин был священником суздальского собора Рождества Богородицы. Враги древлеправославия прозвали его «Пустосвятом» и в дальнейшем всячески пытались опорочить, представляя его таким безобразным извергом и фанатиком. Однако, судя по его писаниям, это был кроткий, смиренный и тихий пастырь, к тому же весьма умный и образованный. Первое известие о нем относится к 1659 г., когда он подал челобитную на некоторых суздальских клириков, в том числе на архиепископа Стефана, обвиняя их в различного рода провинностях. В результате архиепископ Стефан был смещен со своей кафедры. Последующие годы отец Никита посвятил составлению обширной челобитной («великой челобитной») в защиту старой веры с обличениями нововведений и прямых ересей, содержащихся в никоновской книге «Скрижаль», и против порчи богослужебных книг в результате книжной sprawy.

Книга «Скрижаль» была издана в Москве в 1655—56 гг. патриархом Никоном, который, видимо, возомнил себя новым Моисеем, давшим своему народу написанный на каменных скрижалях Закон. В этом произведении содержалось множество весьма странных с православной точки зрения учений. В частности, вопреки всей православной метафизике света говорилось о том, что «лучше Бога именовать тьмой и неведением, чем светом». Говорилось, что до Своего крещения Иисус не был Христом. Излагалось также чисто католическое учение о разделении Церкви на «учащую» и «учимую», что искони было чуждо православному учению о Церкви. Несмотря на все эти явно еретические мнения, собор 1656 г. заповедал почитать «Скрижаль» наравне с Евангелием, а «вселенские патриархи» Паисий и Макарий на соборе 1667 г. посоветовали иметь эту книгу «в велицей чести».

Более чем на двухстах страницах своей челобитной Никита Добрынин спокойно и последовательно разбирал все правки богослужебных текстов и показывал, что очень часто они сводились лишь к замене одних слов и выражений вполне эквивалентными им другими. Он недоумевал, зачем было заменять слова «отроча рождаеши» словами «деторождаеши», «певцы» словом «песнословцы», менять более привычное русскому слуху имя «Давыд» на «Давид». Не видя никакой логики в проведенной реформаторами правке, Никита Добрынин приходил к выводу, что целью книжной «справы» было внесение смущения в души русских людей, под-

рыв их доверия к смыслу обряда и богослужения, а также замена старых православных текстов новыми, уже испорченными латинской ересью греческими, желание поселить «еретическую новизну».

Вскоре слух о составлении отцом Никитой Добрыниным «великой челобитной» дошел до властей, и в декабре 1665 г. его схватили в Суздале и доставили в Москву. В феврале следующего года его челобитная послужила предметом разбора на соборе новообрядческой церкви. Составить опровержение на челобитную было поручено греческому авантюристу, тайному католику Паисию Лигариду, даже не знавшему славянского языка, и выученику западных иезуитов Симеону Полоцкому. В результате, собор предал анафеме отца Никиту Добрынина, после чего он был расстрижен и заточен в подземельях Николо-Угрешского монастыря. Здесь под угрозой сожжения он принес покаяние. Отлучение от церкви было с него снято, но священнический сан ему так и не возвратили. Оказавшись на свободе, отец Никита держался очень осторожно, хотя и продолжал поддерживать контакты с другими старообрядцами. Когда в 1682 г. началось стрелецкое восстание в Москве, он уже открыто выступил против никонианских новшеств, став одним из главных духовных вождей восставших.

Наступило 5 июля 1682 г. Уже с утра на кремлевскую площадь стали стекаться толпы народа. Ревнители старой веры во главе с отцом Никитой Добрыниным, иноками Савой Романовым, Павлом и Сергием, сопровождаемые народом и стрельцами, явились в Кремль. Войдя в Грановитую палату, посреди нее, прямо перед царским местом, поставили аналой и положили на нем восьмиконечный православный крест, Евангелие и древние иконы и зажгли перед ними свечи. На царском месте сидела царевна Софья Алексеевна, на другом царском месте – царевна Татьяна Михайловна, на правой стороне – царица Наталия Кирилловна, рядом с ней – царевна Мария Алексеевна, между царскими местами – царевна Анна Михайловна, далее, в углу, сидел патриарх Иоаким, близ него – Корнилий, митрополит Новгородский, и прочие архиереи, на левой стороне стояли бояре. Вошедшие поклонились находившимся в палате царице и царевнам до земли. Патриарху же и архиереям никто не поклонился.

«Приидохом к великим государем царем просити милости о исправлении православных христианския веры, – начал Никита Добрынин, – чтобы царское свое рассмотрение нам дали с вами новыми законодавцы, дабы Церковь Божия была в мире и соединении, а не в мятежи и раздрании, и повелели б службу служить по старопечатным книгам в церквах святых, како при царе государе Михаиле Феодоровиче и при святейшем Филарете патриархе и прочих прежде их служили».

Дискуссия сразу же приняла острый характер. Царевна Софья все время вмешивалась в споры, поддерживая патриарха. Патриарх Иоаким начал укорять выборных представителей староверия в непослушании и нежелании «принять новопечатные книги, невежества ради и отсутствия грамматического разума» (о, излюбленное обвинение староверов в невежестве!).

«Не на вас сие дело лежит, – говорил патриарх, – и не подобает вам простолюдином церковныя исправляти и в том архиерея исправляти. Должно архиерея архиереом судити, а не простолюдином; мы на себе Христов образ носим, и нам даде Господь власть такову: егоже аще свяжите на земли – связан будет на небесех, и егоже аще разрешите на земли, будет разрешен и на небесех... Вам должно есть повиноватися матери нашей соборней апостольстей Церкви, потом и всем архиереом, пекущемся о вашем спасении; а вера у нас православная старого православия, греческаго закона, в ней же святии отцы Богу угодили; исправлена с греческих и с наших харатейных книг грамматике, и мы от себе ничего не внесохом в Церковь Божию, но все от тых писаний. Вы же грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какову силу в себе содержит».

В ответ Никита Добрынин вполне резонно возразил, что они пришли не о «грамматике спорить, а о церковных догматах и о новшествах в церковном богослужении, вопреки древнему преданию и обычаям».

«Мы пришли утвердить старую веру; все вы пребываете в новой вере, в которой нельзя спастись».

В собрании поднялся невыразимый шум. Начали читать челобитную. Ни патриарх, ни архиереи не могли опровергнуть материалы челобитной, и тогда, чтобы не дать староверам воспользоваться победой, царевна Софья по окончании чтения челобитной прения прервала. Продолжение прений было назначено на 7 июля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.